

зала № 34.
шкафъ 85.
полка 7.
№ 91.

Профессоръ В. Ф. Чижъ.

Директоръ клиники нервныхъ и душевныхъ болѣзней.

Матерьялы

къ

Исторіи Юрьевскаго Университета.



1/122 30/544

Юрьевъ.

Типографія К. Маттисена.

1909.

34. 85. 7. 21



Настоящая брошюра состоитъ изъ корреспонденціи изъ Юрьева, перепечатанной „Русскимъ Врачемъ“ изъ „Руси“, двухъ писемъ въ „Русскомъ Врачѣ“ г. Пассека, моихъ отвѣтовъ на эти письма, письма профессора М. И. Ростовцева, помѣщенныхъ въ той же газетѣ, предъявленнаго мнѣ обвиненія и моей докладной записки. Полагаю, что эти документы, безъ всякихъ объясненій и комментариевъ съ моей стороны, достаточно ясно освѣщаютъ все дѣло.

Считаю полезнымъ напечатать эти документы, хотя это дѣло для меня лично теперь и не имѣетъ практическаго значенія, какъ матеріалы и для исторіи Юрьевскаго Университета и для исторіи русской психіатріи. Общество должно знать какъ тяжело живетъ русскимъ ученымъ, при какихъ тяжелыхъ условіяхъ приходится работать русскимъ психіатрамъ. Полагаю, что общественное мнѣніе, по крайней мѣрѣ, въ будущемъ сумѣетъ создать такія условія, при которыхъ повтореніе происшествій, изложенныхъ въ печатаемыхъ документахъ, станетъ невозможнымъ.

Наконецъ эти документы могутъ быть интересны и моимъ бывшимъ и настоящимъ слушателямъ, въ сочувствіи и довѣріи которыхъ я находилъ нравственную опору для перенесенія всѣхъ пережитыхъ мною непріятностей. Наша учащаяся молодежь такъ чутка въ нравственной области, такъ жадно ищетъ знаній, что профессоръ, лекціями котораго интересуются гг. студенты, долженъ имѣть мужество переносить непріятности въ родѣ изложенныхъ въ печатаемыхъ документахъ.



Въ № 13 (1908) „Русскаго Врача“ было напечатано:

Въ надеждѣ вызвать разъясненія со стороны мѣстныхъ товарищей, причастныхъ къ университетской жизни, позволяемъ себѣ перепечатать изъ „Руси“ (22 Марта) слѣдующее письмо изъ Юрьева: „Вотъ уже 2-ой семестръ въ городѣ упорно держатся слухи объ уходѣ одного изъ лучшихъ профессоровъ Университета В. Ф. Чижа. Къ сожалѣнію, эти слухи находятъ себѣ оправданіе, и Юрьевскому Университету грозитъ опасность лишиться профессора, научный авторитетъ и европейская извѣстность котораго до сихъ поръ служатъ украшеніемъ его. Проф. Чижъ уходитъ жертвой рутиннаго, непонятно халатнаго отношенія университетскаго Правленія къ психіатрической клиникѣ, директоромъ которой онъ состоитъ въ продолженіи 17 л. Конфликтъ возникъ на почвѣ недостаточнаго субсидированія Правленіемъ психіатрической клиники, вслѣдствіе чего въ ней образовался дефицитъ въ 13000 р., который Правленіе и отказывается погасить. Нельзя не упомянуть, что Юрьевское университетское Правленіе, систематически урѣзывая средства, отпускаемая на остальные учебные институты¹⁾, принадлежащіе Университету, довело свою скарредность по отношенію къ психіатрической клиникѣ чуть-ли не до полного непризнанія ея матеріальной зависимости отъ Правленія (впрочемъ, виноватъ, клиникѣ отпускаются Правленіемъ 2000 р. ежегодно, но... дровами). Психіатрическая клиника лишена суммъ, обычныхъ для всѣхъ другихъ клиникъ Университета, на отопленіе, освѣщеніе, ремонтъ, вознагражденіе ассистентовъ, содержаніе прислуги — все это должно было оплачиваться самими больными, отчислениями, согласно паспортному уставу и т. п. поступлениями. Но съ отмѣной этого устава, съ задолженностью клиникѣ Юрьевскаго Податнаго Управленія (7000 р.) и долга больныхъ за леченіе (19000 р.)²⁾, въ связи съ общимъ повышеніемъ цѣнъ на всѣ продукты, всѣмъ этимъ клиника была поставлена въ необходимость вести свое хозяйство въ кредитъ, что, конечно, было не выгодно и повлекло за собою такое состояніе ея баланса за 1907 г., какъ 16000 р. актива и 29000 р. пассива. Университетское Правленіе, обвиняя проф. Чижа въ неумѣломъ веденіи хозяйства, отказывается погасить этотъ дефицитъ, и проф. Чижу не остается ничего иного, какъ оставить кафедру. Но каждому въ Юрьевѣ понятно, чего лишается съ его уходомъ Университетъ, что потеряетъ студенчество, всегда переполняющее его аудиторію, гдѣ оно находило живое слово профессора, откликавшагося на всѣ вопросы современной жизни, въ какомъ положеніи очутится лечебница душевно-больныхъ, директоръ которой провинился лишь въ томъ, что хотѣлъ считать и душевно-больныхъ за людей, которыхъ слѣдуетъ кормить, а не морить голодомъ, въ чемъ видимо расходилось съ нимъ Юрьевское университетское Правленіе“.

1) Такъ въ одной изъ лабораторій работать предоставляется только днемъ, такъ какъ по вечерамъ она не освѣщается.

2) Не смотря на неоднократныя просьбы проф. Чижа, Правленіе отказывалось взыскивать эти долги.

Въ № 15 „Русскаго врача“ было напечатано слѣдующее письмо Ректора Юрьевского Университета, исправляющаго должность ординарнаго профессора г. Пассека:

Въ № 13 „Русскаго Врача“, въ отдѣлѣ „Хроника и мелкія извѣстія“, помѣщено перепечатанное изъ газеты „Русь“ „письмо изъ Юрьева“, касающееся хозяйственнаго положенія завѣдуемой проф. Чижомъ психіатрической университетской клиники и отношенія къ этой клиникѣ со стороны Правленія Университета. Въ виду сплошнаго несоотвѣтствія содержанія перепечатаннаго письма дѣйствительному положенію дѣла, прошу Васъ помѣстить нижеслѣдующее разъясненіе.

Психіатрическая клиника находится въ завѣдываніи проф. Чижя съ 1891 г. Первые годы дефицитовъ въ ея хозяйствѣ не было; не бывало ихъ никогда и раньше. За послѣднія-же 10 приблизительно лѣтъ въ клиникѣ этой постепенно, прогрессивно по годамъ увеличиваясь, образовалось до 30000 р. долга, съ прогрессивнымъ же накопленіемъ недоимокъ поступающей съ больныхъ платы за содержаніе. О причинахъ этого явленія, говорить, быть можетъ, преждевременно; но фактомъ остается то, что ни одна изъ остальныхъ 4-хъ клиникъ въ такое разстройство при равныхъ условіяхъ хозяйства не пришла и что долги одной психіатрической клиники составили около $\frac{1}{2}$ общей суммы всѣхъ долговъ, лежавшихъ на всѣхъ остальныхъ университетскихъ учрежденіяхъ, вмѣстѣ взятыхъ.

Что долги эти, чему-бы не приписывать ихъ образованіе и накопленіе, подлежали уплатѣ, объ этомъ вопроса никѣмъ никогда не возбуждалось, ибо съ формальной стороны въ ихъ юридической правильности сомнѣній не было. Дѣйствительно, около 6000 р. долга клиники и было покрыто изъ университетскихъ средствъ въ началѣ 1907 г.; остальные уплачены въ настоящее время. Какъ отражается такая расплата на интересахъ Университета, какъ цѣлаго — вопросъ, конечно, иной.

О способѣ веденія хозяйства, въ результатѣ котораго образуются десятки тысячъ дефицита, и о причинахъ задолженности психіатрической клиники можно быть различнаго мнѣнія. Вопросъ объ этомъ былъ поставленъ, однако, не Правленіемъ

Университета, а ревизіей, произведенной въ Юрьевскомъ Университетѣ Министерствомъ народнаго просвѣщенія, съ участіемъ Государственнаго Контроля, осенью 1907 г. Ревизія эта, по ея заключенію, обнаружила въ статьяхъ расхода психіатрической клиники цѣлый рядъ такихъ расходовъ, и при томъ произведенныхъ по такимъ цѣнамъ, которые, по мнѣнію ревизовавшихъ лицъ, отнюдь не вызывались ни гуманностью, ни необходимостью „кормить, а не морить голодомъ“ душевно-больныхъ. Результаты ревизіи и были представлены ревизовавшими на усмотрѣніе Министерства народнаго просвѣщенія.

„Конфликтъ“ Правленія съ проф. *Чижомъ*, если о такомъ вообще можетъ идти рѣчь, имѣлъ слѣдовательно, мѣсто никоимъ образомъ не на почвѣ отказа со стороны Правленія платить долги психіатрической клиники. Упомятая о конфликтѣ, авторъ письма имѣетъ въ виду, по всей вѣроятности, тѣ несогласія, какія происходили у Правленія Университета съ проф. *Чижомъ* около года тому назадъ по совершенно другому поводу, а именно — по вопросу о правильности расходованія суммъ и матерьяловъ психіатрической клиники на отопленіе и освѣщеніе частной квартиры проф. *Чижы* (на которую ему, сверхъ того, отпускается по 600 р. въ годъ изъ суммъ за пользованіе больныхъ въ клиникѣ), а также на содержаніе лошадей, экипажей и кучера, составляющихъ въ своей совокупности т. наз. „клинической выѣздъ“ проф. *Чижы*. Производство подобныхъ расходовъ, средства на которые, не смотря на общую задолженность клиники, въ наличности находились всегда, Правленіемъ Университета, дѣйствительно, было признано неправильно и законно необоснованнымъ, хотя расходованіе клиническихъ суммъ на эти статьи и производилось проф. *Чижомъ* въ теченіи долгаго ряда лѣтъ. Постановленіе Правленія, предложившаго проф. *Чижю* прекратить расходованіе казенныхъ средствъ на эти имѣющія частный характеръ нужды, было проф. *Чижомъ* обжаловано, но безрезультатно.

Таково положеніе дѣла по существу „конфликтовъ“. Что же касается частныхъ, то 1) клиникѣ отпускается 2000 р. не дровами, какъ утверждаетъ авторъ письма, а деньгами; 2) взы-

скивать поступления (долги больных), слѣдуемая клиникѣ, Правленіе не отказывалось никогда; неоднократныхъ просьбъ о взысканіи проф. *Чижу* заявлять поэтому не приходилось; 3) такой лабораторіи, въ которой „работать предоставляется только днемъ, такъ какъ по вечерамъ она не освѣщается“ въ Университетѣ не существуетъ.

Всѣ остальные стилистическія красоты „письма изъ Юрьева“, неприлично-бранныя по адресу Правленія, комплиментарно-хвалебныя по адресу проф. *Чижя*, оставляю въ сторонѣ, какъ къ существу дѣла отношенія не имѣющія.¹⁾

На это письмо г. Пассека я отвѣтилъ слѣдующимъ письмомъ (№ 17 „Русскаго Врача“.)

Не откажите дать мѣсто слѣдующимъ строкамъ.

Ректоръ Юрьевского Университета проф. Е. В. Пассекъ въ своемъ письмѣ (см. № 15 „Русскаго Врача“ за текущей годъ), вмѣсто опроверженія перепечатанной въ № 13 „Русскаго Врача“ изъ газеты „Русь“ (№ 82) корреспонденціи, сообщаетъ о моей дѣятельности и „несоотвѣтствующія дѣйствительности“, и просто невѣрныя свѣдѣнія.

Г. Пассекъ сообщаетъ невѣрныя свѣдѣнія о хозяйствѣ психіатрической клиники и тѣмъ обвиняетъ меня въ неумѣломъ веденіи хозяйства. Пассивъ клиники (неоплаченные счета) и активъ ея (недоимки за больными) образовались медленно и постепенно. Уже въ январѣ 1898 г. пассивъ клиники былъ 12311 р., а активъ 12148 р., а въ 1907 пассивъ клиники достигъ около 29000 р., а активъ былъ около 18000 р. т. е. дефицитъ или долгъ составлялъ около 11000 р. Изъ сказаннаго видно, что долгъ нарасталъ медленно и постепенно и что онъ былъ около 11000 р., а не „около 30000 р.“, какъ пишетъ г. Пассекъ. Все это, конечно, хорошо извѣстно г. Пассеку. Ему прекрасно также извѣстны и

1) Охотно помѣщаемъ это письмо глубокоуважаемаго ректора Юрьевского Университета, проф. *Пассека* и не можемъ не выразить ему нашей признательности за проявленную имъ отзывчивость къ высказанной нами при перепечаткѣ изъ „Руси“ „Письма изъ Юрьева“ надежды „вызвать разъясненія со стороны мѣстныхъ товарищей частныхъ къ университетской жизни“. *Ред.*

причины роста дефицита или долга: цѣны на всѣ продукты (хлѣбъ, масло, мясо и т. п.), возросли; Лифляндское дворянство съ 1-го января 1906 г. прекратило выдавать психіатрической клиникѣ субсидію въ 2000 р. Также г. Пассеку хорошо извѣстно, что задолженность психіатрической клиники не представляетъ чего-либо исключительнаго: одна изъ клиникъ въ 1906 г. имѣла 18000 р. долга, а долгъ университетской библіотеки, директоромъ которой состоялъ г. Пассекъ, былъ болѣе 9000 р. Необходимо объяснить, что годовой бюджетъ психіатрической клиники значительно превышалъ 30000 р.; слѣдовательно цифры ея пассива (около 29000 р.) актива (18000 р.) и дефицита или долга (11000 р.) образовавшіяся за время ея существованія (съ 1881 г.) не весьма велики; нужно принять во вниманіе, что клиника почти всецѣло содержится на плату за леченіе больныхъ, большинство которыхъ крестьяне, т. е. люди бѣдные.

Г. Пассекъ говоритъ неправду, утверждая, что 4 клиники Юрьевского Университета находятся „при равныхъ условіяхъ хозяйства“ съ психіатрической клиникой. Во 1-хъ, эти клиники получаютъ субсидіи отъ Правленія Университета въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ психіатрическая клиника; во 2-хъ, онѣ отапливаются, ремонтируются, снабжаются водою и т. п. насчетъ Правленія Университета; всѣ эти расходы психіатрическая клиника производила на собственный счетъ, на что затрачивала ежегодно около 4000 р. Все это, конечно очень хорошо извѣстно г. Пассеку; предоставляю судить читателямъ почему и зачѣмъ г. Пассекъ сообщаетъ въ своемъ письмѣ столь „несоотвѣтствующія дѣйствительности“ свѣдѣнія.

Г. Пассекъ пишетъ, что Правленіе Университета не отказывалось уплатить по счетамъ психіатрической клиники, но почему-то не объясняетъ, что Правленіе все-же ограничилось лишь уплатой въ 1907 г. „около 6000 р.“, а „въ настоящее время“ уплата произведена не изъ „университетскихъ суммъ“, а изъ суммы (около 50000 р.) выданной Министерствомъ народнаго просвѣщенія на покрытіе долговъ разныхъ учреждений Юрьевского Университета. Слѣдовательно, „расплата“ по счетамъ психіатрической клиники отражаться „на интересахъ Университета, какъ цѣлаго“,

не могла, и г. Пассекъ въ своемъ письмѣ этотъ „вопросъ“ возбуждаетъ совершенно напрасно.

Вопросъ „о способѣ веденія хозяйства“ и „о причинахъ задолженности психіатрической клиники“, дѣйствительно очень интересень. Къ сожалѣнію, здѣсь я не могу его выяснить, ибо дѣло это очень объемисто: болѣе печатнаго листа. Я намѣренъ опубликовать это дѣло отдѣльной брошюрой. Теперь могу лишь сообщить, что болѣе 6 недѣль назадъ я ознакомилъ съ этимъ дѣломъ медицинскій факультетъ, конечно, частнымъ образомъ. Медицинскій факультетъ единогласно нашель, что я вполнѣ правъ. Этимъ, я думаю, объясняется то обстоятельство, что желаніе редакціи „Русскаго Врача“ получить „разъясненія со стороны мѣстныхъ товарищей“ по поводу перепечатанной въ № 13 корреспонденціи „Руси“ (22 марта) осталось неисполненнымъ¹⁾. Также я ознакомилъ съ этимъ дѣломъ моихъ слушателей, и они высказали: „ознакомившись съ обвиненіями, выставленными противъ Васъ, мы, Ваши слушатели, 1) признаемъ эти обвиненія поражающими своею мелочностью и необоснованностью... 3) просимъ Васъ, глубокоуважаемый профессоръ, принять увѣреніе въ нашемъ искреннемъ сочувствіи²⁾).

Конечно, г. Пассеку извѣстны сужденія по этому „дѣлу“ и медицинскаго факультета, и моихъ слушателей. Увѣренъ, что, когда я опубликую все „дѣло“, всѣмъ будетъ ясно, насколько неправъ г. Пассекъ.

Затѣмъ г. Пассекъ упоминаетъ, что около года тому назадъ Правленіе прекратило расходованіе суммъ клиники на отопленіе и освѣщеніе квартиры директора оной, а также и на „клинической выѣздъ проф. Чижса“. Это распоряженіе Правленія, дѣйствитель-

1) Мы обратились съ этой просьбой „къ мѣстнымъ товарищамъ, причастнымъ къ университетской жизни“, какъ къ лицамъ наиболѣе освѣдомленнымъ о томъ, о чемъ сообщалось въ перепечатанной нами корреспонденціи изъ „Руси“, и письмо ректора Университета — правда не врача — не можемъ не считать любезнымъ отвѣтомъ на наше приглашеніе. *Ред.*

1) Документъ, на который я ссылаюсь, въ случаѣ надобности, можетъ быть представленъ редакціи. *В. Ч.*

но, весьма характерно, въ известномъ, конечно, смыслѣ. Дѣло въ томъ, что и мои предшественники (проф *Эммингаузъ* и *Крѣпелинъ*) и я пользовались квартирою въ клиникѣ съ отопленіемъ и освѣщеніемъ. Въ концѣ 1893 г., въ виду увеличившагося числа больныхъ, я, по желанію нынѣ покойнаго попечителя Рижскаго учебнаго округа Н. А. Лавровскаго, согласился отдать свою квартиру подъ помѣщеніе для больныхъ, и г. попечитель распорядился, что-бы взамѣнъ квартиры въ зданіи клиники, мнѣ нанимали квартиру въ 600 р. Едва-ли нужно указывать на скромность этой суммы. Естественно, что квартира, нанимаемая клиникой, отоплялась и освѣщалась также, какъ и квартира въ зданіи клиники, которой пользовались мои предшественники и я; но въ 1907 г. Правленіе нашло, что директору клиники достаточно имѣть квартиру за счетъ клиники, а отоплять и освѣщать ее онъ долженъ на свой счетъ. Само собою разумѣется, что это распоряженіе Правленія имѣетъ больше значенія, какъ непріятность или проявленіе нерасположенія, чѣмъ матеріальное: расходъ на отопленіе и освѣщеніе ужъ очень не великъ. Такъ какъ относительно отопленія и освѣщенія не было „бумаги“ — мнѣ не приходило въ голову, что и по поводу отопленія и освѣщенія квартиры директора клиники, которыми пользовались безъ „бумаги“ мои предшественники, нужна особая „бумага“, — то это распоряженіе Правленія, съ формальной стороны, можетъ казаться правильнымъ. Относительно „клиническаго выѣзда“ Правленіе въ своемъ стремленіи сдѣлать мнѣ непріятность, не стѣснялось и „бумагой.“ Со дня основанія клиники въ ней былъ кучеръ, лошадь и экипажъ. 17 октября 1885 г. проф. *Эммингаузъ*, ссылаясь на то, что для его разѣздовъ по дѣламъ клиники мало одной лошади, просилъ Правленіе разрѣшенія завести 2-ую лошадь, что и было разрѣшено Правленіемъ 6 ноября 1885 г. Когда я пріѣхалъ въ Юрьевъ, въ клиникѣ было 2 лошади; съ 1902 г., въ виду стѣсненнаго состоянія средствъ клиники, я держалъ 1 лошадь, но въ 1907 г., хотя въ то время больныхъ было болѣе, чѣмъ въ два раза по сравненію съ 1885 г., Правленіе нашло, что клиника можетъ обходиться и безъ „клиническаго выѣзда“. Такъ какъ г. *Пассекъ* нашелъ нужнымъ сообщить, что это распоряженіе Правленія было мною обжаловано, но

„безрезультатно“, считаю необходимымъ объяснить, что, подавая эту жалобу, я былъ увѣренъ въ ея безрезультатности: эти распоряженія были проведены г. Пассекомъ, а онъ находился въ такихъ дружественныхъ отношеніяхъ съ бывшимъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія г. Герасимовымъ, что послѣдній, пріѣхавъ въ Юрьевъ для осмотра учебныхъ заведеній, проживалъ въ гостяхъ у г. Пассека. Я достаточно знаю жизнь, чтобы понимать, что при такихъ условіяхъ было бы наивно ожидать полезнаго результата отъ моей справедливой жалобы. Все это очень мелочно, право, даже не ловко писать о такихъ мелочахъ, но, къ сожалѣнію, я былъ долженъ коснуться этихъ мелочей, такъ какъ г. Пассекъ упомянулъ о нихъ въ своемъ письмѣ.

Г. Пассекъ пишетъ, что психіатрической клиникѣ 2000 р. выдаются не дровами. До 1906 г. эта сумма, однако, выдавалась дровами, а съ 1906 г., дѣйствительно, выдается деньгами; но этимъ Правленіе ухудшило положеніе и клиники и мое. Правленіе Университета снабжаетъ дровами всѣ учрежденія и зданія Университета, *за исключеніемъ психіатрической клиники*, покупаетъ дрова на большую сумму и имѣетъ свѣдущаго въ этомъ дѣлѣ чиновника. Не получая отопленія отъ Правленія (*при моихъ предшественникахъ клиника отоплялась на счетъ Правленія*), я былъ благодаренъ Правленію, что оно снабжало клинику дровами, хотя въ счетъ субсидіи въ 2000 р. Когда г. Пассекъ сдѣлался председателемъ Правленія, Правленіе прекратило отпускъ дровъ психіатрической клиникѣ даже въ счетъ этой субсидіи. Такъ какъ въ клиникѣ нѣтъ смотрителя и вообще какого либо чиновника по хозяйственной части, то это распоряженіе Правленія невыгодно для клиники и очень непріятно для меня: я не умѣю покупать дрова такъ выгодно, какъ экзекуторъ Университета, хорошо знающій это дѣло; понятно, что такая обуза не входитъ въ кругъ обязанностей профессора. Едва-ли нужно говорить, что вышеназванные распоряженія Правленія дѣлаютъ службу непріятной и выводятъ въ отставку желательнымъ.

Г. Пассекъ совершенно неправильно утверждаетъ, что Правленіе никогда не отказывалось взыскивать долги больныхъ; „неоднократныхъ просьбъ о взысканіи проф. Чижу заявлять поэтому

не приходилось“. Въ дѣлахъ Правленія сохраняется не мало моихъ просьбъ о взысканіи недоимокъ, но эти просьбы остались безъ результата.

Главный „конфликтъ“ мой съ Правленіемъ состоитъ въ томъ, что я убѣждалъ Правленіе въ томъ, что содержать психіатрическую клинику на плату за леченіе больныхъ, поступающую вообще всюду весьма неакуратно, и на субсидію въ 2000 р. невозможно и просилъ Правленіе уравнить „условія хозяйства“ психіатрической клиники съ другими клиниками, т. е. увеличить субсидію, отоплять и ремонтировать клинику на счетъ Правленія; но до сихъ поръ всѣ мои просьбы оставались безъ всякаго результата, если, конечно, не считать, что меня же обвиняютъ въ задолженности клиники. Этотъ „конфликтъ“ можетъ разрѣшиться или тѣмъ, что мои просьбы будутъ, наконецъ, исполнены или тѣмъ, что я выйду въ отставку.

На это мое письмо г. Пассекъ отвѣтилъ въ № 19 „Русскаго Врача“ такъ:

Въ № 17 „Русскаго Врача“ помѣщено возраженіе проф. *Чижа* на мое письмо въ № 15, содержащее нѣкоторыя разъясненія по возбужденному въ печати вопросу о положеніи дѣлъ въ состоящей подъ управленіемъ проф. *Чижа* психіатрической клиникѣ Юрьевскаго Университета. Надѣюсь, что, въ интересахъ справедливости равно, какъ и правды, Вы не откажете и мнѣ въ помѣщеніи нижеслѣдующихъ строкъ. Эти строки съ моей стороны будутъ и послѣдними, такъ какъ я считалъ-бы бесполезнымъ занимать этимъ вопросомъ вниманіе читателей „Русскаго Врача“ до безконечности и такъ какъ детальное выясненіе всѣхъ попутно возбуждаемыхъ проф. *Чижомъ* мелочей возможно лишь путемъ спеціальнаго разслѣдованія со стороны компетентной власти, производство котораго вѣроятно. Лицамъ, знакомымъ съ мѣстной жизнью, дѣло, конечно, ясно и безъ того.

Я не стану подражать проф. *Чижу* ни въ тонѣ, ни въ системѣ возраженія. Что касается до перваго, то говорить языкомъ, который признаетъ для себя умѣстнымъ проф. *Чижъ*, я съ своей стороны считаю для себя неподходящимъ. Что же касается его системы полемики, то я хорошо понимаю пользу

въ извѣстныхъ случаяхъ приѣма проф. *Чижя*: писать не о сущности, а о сотнѣ мелочей, къ дѣлу не идущихъ, рассыпая попутно фальшивыя данныя и сообщая при этомъ столь важныя свѣдѣнія, какъ свѣдѣнія о томъ, кто съ кѣмъ знакомъ и кто у кого при приѣздахъ останавливается. Такой приѣмъ рассчитанъ на то, чтобы сбить съ толка и оппонента и читателей. На эту дорогу проф. *Чижъ* меня не завлечетъ, такъ какъ я, съ своей стороны, въ затемнѣніи дѣла никакого личнаго интереса не имѣю.

Оставаясь въ границахъ вопроса, начну съ 2-хъ поправокъ.

2) Проф. *Чижъ* пишетъ завѣдомую неправду, говоря, что медицинскій факультетъ, рассмотрѣвъ частнымъ образомъ его дѣйствія, нашелъ его правымъ. Правда-же состоитъ въ томъ, что, когда члены медицинскаго факультета, выслушавъ единоличныя объясненія проф. *Чижя*, предложили ему принять дѣло о психіатрической клиникѣ къ разслѣдованію, то проф. *Чижъ* отъ этого столь же благоразумно, сколь и категорически уклонился. Полагаю, что невыступленіе по данному дѣлу въ печати кого-либо изъ членовъ медицинскаго факультета при этихъ условіяхъ легко можетъ быть объяснено совершенно иначе, чѣмъ ихъ убѣжденіемъ въ правотѣ проф. *Чижя*.

2) Проф. *Чижъ* пишетъ завѣдомую неправду, сообщая о выраженномъ ему студентами „довѣріи“. Онъ дѣйствительно обращался съ этой просьбой къ студентамъ 2-хъ курсовъ — 4-го и 5-го, причемъ студенты 5-го курса отъ выраженія до-вѣрія проф. *Чижю* уклонились. Признавая даже поэтому, что проф. *Чижъ* пользуется „довѣріемъ“ студентовъ 4-го курса, я отказываюсь понимать невѣроятный, созданный проф. *Чижомъ* прецедентъ: обращеніе профессора къ своей студенческой аудиторіи съ призывомъ студентовъ къ суду надъ самимъ собою и къ выступленію въ качествѣ судей надъ университетскими выборными органами управленія. Слѣдуетъ признать, что въ этомъ случаѣ студенты оказались много осмотрительнѣй самаго профессора.

Оставляя затѣмъ въ сторонѣ многочисленныя иныя неточности, вплетенныя проф. *Чижомъ* въ свои возраженія, перейду

къ сущности дѣла. Спорнымъ здѣсь является вопросъ о причинахъ происхожденія 30000-наго дефицита въ хозяйствѣ психіатрической клиники за время управленія ея проф. *Чижомъ*. Для объясненія этого приведу слѣдующія цифры.

Въ 1893 году проф. *Чижъ*, ссылаясь на увеличеніе числа больныхъ въ клиникѣ, по собственной инициативѣ (отнюдь не по чьему-либо предложенію, какъ онъ это утверждаетъ нынѣ), вошелъ къ тогдашнему попечителю округа Лавровскому съ ходатайствомъ о разрѣшеніи очистить для больныхъ занимаемую имъ въ помѣщеніи клиники квартиру и о назначеніи ему ежегодно изъ клиническихъ суммъ по 600 р. квартирныхъ денегъ, для найма квартиры „вблизи клиники“. Разрѣшеніе это, изображенное проф. *Чижомъ*, какъ лежащее въ интересахъ клиники, было имъ получено. Однако, число больныхъ быстро упало, а квартира вблизи клиники столь же быстро превратилась въ квартиру въ другомъ концѣ города. Въ результатѣ, такимъ образомъ, вся выгода для клиники свелась къ уплатѣ изъ ея средствъ проф. *Чижю* по 600 р, въ годъ. Мало того, въ настоящее время проф. *Чижъ*, ссылаясь уже не на близость, а на отдаленность квартиры отъ клиники, подаетъ къ оплатѣ счета на возмѣщеніе ему расходовъ на извозчика для проѣздовъ изъ своей квартиры въ клинику и обратно. Излишне, конечно, упоминать о томъ, что квартирныя деньги взимались съ „разоренной и задолженной клиники“ неукоснительно. Такимъ образомъ за 15 лѣтъ уплачено проф. *Чижю* изъ клиническихъ суммъ 9000 р.

На отопленіе и освѣщеніе этой — то близкой, то далекой, смотря по надобности — квартиры проф. *Чижъ*, на имѣя на то уже совершенно никакого, даже и формальнаго, права, бралъ для себя клиническія дрова и клиническіе освѣтительныя матерьялы, считая этотъ расходъ всего по 200 р. въ годъ (въ представленномъ мнѣ въ свое время клиническомъ бюджетѣ онъ былъ обозначенъ въ 500 р. годовыхъ), мы получимъ за тѣ же 15 л. 3000 р. Насколько же въ своемъ правѣ на отопленіе и освѣщеніе былъ убѣжденъ самъ проф. *Чижъ*, видно изъ того, что, когда ему было предложено ассистентами давать письмен-

ные приказы объ отпускъ ему матерьяловъ, то онъ отъ этаго крайне благоразумно уклонился.

Еще болѣе дорогимъ оказался для казны „клинической выѣздъ“ проф. *Чижа*. Разрѣшеніе на приобрѣтеніе 2-ой лошади, на которое нынѣ ссылается проф. *Чижъ*, дѣйствительно было проф. *Эммингаузеномъ* испрошено и получено. Но это разрѣшеніе и испрашивалось, и получено было на приобрѣтеніе лошадей для нуждъ клиники, а не для личныхъ нуждъ ея директора; вмѣсто дровъ, воды, песка и т. п., они стали возить лично его персону. Считая расходъ на содержаніе лошадей, упряжи, кучера, экипажей и т. д. всего по 800 р. въ годъ мы получимъ за 17 лѣтъ (время управленія клиникой проф. *Чижа*) сумму въ 13600 р.

Независимо отъ этого проф. *Чижъ* дважды получалъ изъ суммъ психіатрической клиники по собственному ходатайству по 300 р. „за усиленные занятія по завѣдыванію клиникой“ и однажды (въ 1894 г.) пособіе изъ тѣхъ же суммъ въ 450 р. „въ возмѣщеніе расходовъ по поѣздкѣ на международный медицинскій конгрессъ въ Римѣ“. Всего 1050 р.

Суммируя приведенные цифры, получимъ 26650 р., въ какую сумму и обошлась клиникѣ домовитость проф. *Чижа*. Соотвѣтственно этой домовитости производились и другіе расходы по хозяйству клиники.

Таково, по отчетнымъ даннымъ, происхожденіе дефицита психіатрической клиники. Въ вычисленіяхъ проф. *Чижа* онъ, конечно, сильно уменьшается, но лишь вслѣдствіе того, что по его счету изъ суммы дефицита должны быть вычтены и тѣ безнадежные долги больныхъ за леченіе, которые образовались опять таки благодаря системѣ хозяйствованія проф. *Чижа*. Кредиторы проф. *Чижа* съ этимъ расчетомъ согласны не были, они требовали и получили уплату не безнадежными долгами, а наличными деньгами.

Редакція „Русскаго Врача“, вполне, конечно, права, выражая сожалѣніе о томъ, что отъ мелочей жизни оказываются далеко не свободными и храмы науки. Надѣюсь, однако, что изъ изложеннаго она усмотритъ вмѣстѣ съ тѣмъ, въ какія

крупныя общественныя явленія могутъ, суммируясь, превращаться эти мелочи жизни. Общій же ихъ характеръ таковъ, что браться за ихъ устраненіе охота далеко не каждому: вскрытіе подобнаго рода нарывовъ вызываетъ такой потокъ грязи, подобный имѣющемуся и въ настоящемъ случаѣ, что передъ нимъ иногда отступаешь по неволѣ, чтобы не казаться самому ими запачканнымъ. Тѣмъ свободнѣе дѣйствовать людямъ, грязью не стѣсняющимся.

Въ дальнѣйшія пререканія съ проф. *Чижомъ* я вступать отказываюсь. Полагаю, что, если онъ дѣйствительно желаетъ полнаго выясненія дѣла, то ему ни хуже, чѣмъ мнѣ, извѣстны и надлежащіе для этаго способы.

На это письмо г. Пассека я отвѣтилъ слѣдующимъ письмомъ:

Въ своемъ письмѣ въ № 19 „Русскаго Врача“ ректоръ Юрьевскаго Университета г. *Пассекъ* уже не возражаетъ на сдѣланныя мною въ моемъ письмѣ (№ 17) опроверженія невѣрныхъ свѣдѣній о моей дѣятельности, сообщенныхъ имъ въ первомъ письмѣ (№ 15). Не имѣя возможности опровергать факты, г. *Пассекъ* еще разъ возводитъ на меня рядъ обвиненій, которыя я не могу оставить безъ отвѣта.

1) По 1-му пункту письма г. П. всѣ свѣдѣнія даны въ прилагаемомъ при семъ письмѣ проф. *М. И. Ростовцева*¹⁾; читатели,

Многоуважаемый *Владиміръ Федоровичъ!*

Охотно исполняю Вашу просьбу подтвердить правильность Вашего указанія на мнѣніе Медицинскаго Факультета, высказанное въ неофициальномъ засѣданіи его 28 февраля по дѣлу „о способѣ веденія хозяйства въ психіатрической клиникѣ проф. *Чижемъ*“. Тѣмъ охотнѣе это дѣлаю, что на Васъ возведено обвиненіе въ этомъ (на ряду съ другими инсинуаціями) со стороны лица, которому выборомъ на высокую должность ректора товарищами довѣрено охраненіе интересовъ чести и достоинства не только Университета и его отдѣльныхъ учреждений, но и интересовъ чести и достоинства товарищей профессоровъ. Ваше дѣло разбиралось въ 2-хъ неофициальныхъ засѣданіяхъ Медицинскаго факультета. Передъ 1-мъ засѣданіемъ я, въ числѣ другихъ профессоровъ, получилъ отъ Васъ увѣдомленіе, что въ предстоящемъ засѣданіи Факультета будетъ доложено Ваше дѣло. По окончаніи официальной части засѣданія, деканъ проф. *Евевскій*

на основаніи этого письма, сами сдѣлаютъ выводъ, кто изъ насъ двухъ — г. *Пассекъ*, или я „пишетъ завѣдомую неправду“.

2) По поводу 2-го пункта письма г. *П.* я долженъ объясниться подробнѣе. 5-ый курсъ черезъ своихъ представителей также вы-

сообщилъ, что теперь послѣдуетъ неофициальное засѣданіе, въ которомъ проф. *Чижевъ* доложитъ свое дѣло, и тотчасъ-же покинулъ залъ засѣданія (безъ объясненія причинъ). Вы обратились къ намъ приблизительно съ слѣдующими словами: „на мнѣ тяготѣетъ обвиненіе въ небрежномъ веденіи хозяйства психіатрической клиники; я прочитаю Вамъ взведенныя на меня обвиненія и свои объясненія; если Вы, по выслушаніи, выскажете неодобреніе моему веденію хозяйства, то я немедленно-же подамъ въ отставку“. Затѣмъ Вы сообщили слѣдующее: въ сентябрѣ, когда Вы лежали больнымъ, къ Вамъ явился деканъ *Евецкій* и передалъ Вамъ порученіе отъ товарища министра, чтобы Вы подали въ отставку по болѣзни и тогда Вамъ будетъ сохранена пенсія и пр., въ противномъ случаѣ Вы будете уволены или отданы подъ судъ. Вы отвѣтили, что не считаете себя виновнымъ и предпочитаете идти подъ судъ. Затѣмъ Вы прочитали намъ обвинительный противъ Васъ актъ и свои объясненія на него. Послѣдовалъ обмѣнъ мнѣній между присутствовавшими: всѣ говорившіе находили, что обвиненія необоснованы, что веденіе хозяйства въ общемъ не хуже, чѣмъ въ другихъ клиникахъ и въ концѣ засѣданія одинъ изъ товарищей заявилъ, что онъ надѣется, что онъ выразитъ общее мнѣніе товарищей, если скажетъ, что веденіе хозяйства проф. *Чижема* не заслуживаетъ никакого нареканія, и что въ этомъ мнѣніи проф. *Чижевъ* найдетъ себѣ удовлетвореніе отъ пережитыхъ непріятностей. „Кромѣ Вашего дѣла на этомъ-же засѣданіи возникло „дѣло декана *Евецкаго*“; многими присутствовавшими было высказано недоумѣніе и возмущеніе, какъ могъ проф. *Евецкій*, выборный деканъ, облеченный товарищескимъ довѣріемъ, явиться къ Вамъ съ порученіемъ отъ министра, а не вступить передъ нимъ за честь и достоинство своего сотоварища по факультету и не настоять передъ министромъ о необходимости выслушать Васъ, что въ крайнемъ случаѣ надо было обратиться за содѣйствіемъ къ факультету и т. п.

Слѣдующее засѣданіе было 4-го марта; оно началось дачею объясненій своего поведенія деканомъ проф. *Евецкимъ*. Проф. *Евецкій* былъ до крайности взволнованъ; свою рѣчь приблизительно 20—30 словъ онъ говорилъ болѣе $\frac{1}{2}$ часа, дѣлая продолжительные перерывы отъ волненія послѣ каждыхъ 2—3 словъ и даже раза 2 въ теченіи рѣчи покидалъ залъ засѣданія. Объясненія его сводились къ слѣдующему: проф. *Чижевъ* ошибается, считая себя правымъ; по его

разиль мнѣ сочувствіе и пожеланія дальнѣйшей дѣятельности на пользу слѣдующихъ поколѣній студентовъ и г. П. пишетъ „завѣдомую неправду“, утверждая противное. Надѣюсь, понятны причины, почему я не называю фамилій: эти лица еще студенты. Также мнѣ было неоднократно выражено сочувствіе студентами, вообще, знающими „мѣстную жизнь“. Я горжусь хорошимъ отношеніемъ ко мнѣ студентовъ, въ этомъ вижу лучшую награду за мою дѣятельность, и былъ-бы очень огорченъ, если-бы потерялъ довѣріе студентовъ. Наша учащаяся молодежь такъ чутка въ нравственной области, что сочувствіе студентовъ, въ моихъ гла-

проф. *Евецкаго*, мнѣнію, хозяйство велось неправильно. Исходя изъ этого мнѣнія, онъ считалъ себя обязаннымъ въ интересахъ проф. *Чижя* предупредить его о грозящей опасности и сохранить, по крайней мѣрѣ, пенсію. Эти краткія объясненія проф. *Евецкаго* закончились тяжелымъ сердечнымъ припадкомъ, произведшимъ на всѣхъ удручающее впечатлѣніе, такъ что былъ поднятъ вопросъ объ отложеніи засѣданія, но въ концѣ концовъ засѣданіе продолжалось хотя и въ отсутствіи проф. *Евецкаго*.

Засѣданіе закончилось „постановленіемъ, что поведеніе декана проф. *Евецкаго* по отношенію къ проф. *Чижю* было *неправильное*. Послѣ этого возникъ вопросъ объ обвиненіи, брошенномъ въ этомъ засѣданіи проф. *Евецкимъ* противъ Васъ. Часть присутствующихъ находила, что эти обвиненія надо выслушать, другая часть считала, что это личное дѣло проф. *Чижя* требовать объясненій отъ проф. *Евецкаго*. Вы-же высказались въ томъ смыслѣ, что считаете необходимымъ возбудить дѣло по желанію Факультета или лишь въ томъ случаѣ, когда эти обвиненія будутъ представлены въ письменной формѣ, а не въ такой, какъ здѣсь, и при томъ не въ такомъ состояніи, въ какомъ находился проф. *Евецкій*. Въ виду-же того, что уже на предъидущемъ засѣданіи былъ высказанъ общій взглядъ на способъ веденія хозяйства проф. *Чижемъ* и проф. *Евецкій* высказалъ свои обвиненія, не будучи совершенно знакомъ съ объясненіями, данными Вами, и что поведеніе проф. *Евецкаго* было осуждено уже послѣ высказаннаго имъ обвиненія, или можетъ быть въ виду того тяжелаго ненормальнаго состоянія, въ которомъ находился проф. *Евецкій*, высказывая свои обвиненія, послѣднимъ не было придано большого значенія.

Въ заключеніе позвольте высказать Вамъ свое соболъзнованіе въ пережитыхъ Вами неприятностяхъ.

Проф. М. Ростовцевъ.

захъ, есть высшая награда и неоспоримое доказательство правоты того, кто пользуется этимъ сочувствіемъ. Необходимо оговориться, что я политикой не занимаюсь и убѣжденный противникъ всякой политики въ школѣ. Я создалъ „невѣроятный“ и непонятный для г. П. „прецедентъ“ по слѣдующей причинѣ. Въ концѣ сентября 1907 г., когда я былъ настолько тяжело боленъ, что не могъ ходить, ко мнѣ пришелъ другъ г. П. и сообщилъ, что приѣхавшій въ Юрьевъ для осмотра учебныхъ заведеній и проживающій у г. П., товарищъ министра народнаго просвѣщенія уполномочилъ его передать мнѣ, что для меня всего удобнѣе, въ виду моей болѣзни, подать сейчасъ-же прошеніе объ отставкѣ; въ такомъ случаѣ я буду уволенъ „со всѣми онерами“. Если-же я сейчасъ-же не подамъ прошенія объ отставкѣ, то я или буду уволенъ, или преданъ суду. Я категорически заявилъ, что прошенія не подамъ. Въ концѣ октября одинъ товарищъ сообщилъ мнѣ, что г. П., возвратившись изъ Петербурга, говорилъ, что бумага, требующая отъ меня подачи прошенія объ отставкѣ, уже подписана. Откровенно говоря, этому извѣстію я не вполне повѣрилъ, такъ какъ знаю, что, не смотря на дружбу г. П. съ „компетентными властями“, все-же нельзя меня уволить, даже не запросивъ объясненій¹⁾. Конечно, слухи объ этомъ дошли до студентовъ; тѣмъ, кто спрашивалъ меня, въ чемъ дѣло, я могъ только сообщить, что не знаю даже, въ чемъ меня обвиняютъ, и обѣщаль дать разъясненія, когда узнаю. Въ это тяжелое для меня время нравственную поддержку мнѣ оказали студенты: мои слушатели сдѣлали мнѣ сочувственную овацію, когда я, по выздоровленіи, появился въ аудиторіи; такой-же оваціи я удостоился, когда я выступилъ въ aula. Такъ какъ по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ, я не могу пока опубликовать дѣла „о способѣ веденія хозяйства“ клиники, я въ мартѣ с. г. пригласилъ къ себѣ по 2 представителя 4-го и 5-го курсовъ, прочелъ имъ все „дѣло“ и

1) Не берусь рѣшать: хотѣли-ли меня запугать, пользуясь моей болѣзнію, или хотѣли меня компрометировать въ глазахъ студентовъ, зная, какъ они чутки къ обвиненіямъ въ плохомъ „хозяйствованіи“; несомнѣнно лишь, что хотѣли выжить меня изъ Университета.

далъ всѣ нужныя объясненія. Увѣренъ, что поступилъ правильно; кто убѣжденъ въ своей правотѣ, тотъ охотно прибѣгаетъ „къ суду надъ собой“. Студенты имѣютъ право знать, — совершилъ-ли что-либо некорректное ихъ профессоръ.

Затѣмъ г. П. въ своемъ письмѣ еще разъ, разсыпая попутно фальшивыя данныя возвращается къ тому, что редакция „Русскаго Врача“ такъ удачно назвала „мелочи жизни“.

Г. П. не могъ знать моихъ переговоровъ съ г. попечителемъ учебнаго округа *Н. А. Лавровскимъ*, а потому его отрицаніе сообщеннаго мною въ моемъ прошломъ письмѣ факта, ни на чемъ не основано. Всѣ, кто пользовался казенной квартирой, знаютъ, какъ непріятно мѣнять ее на наемную. Г. П. пишетъ завѣдомую неправду: „Однако, число больныхъ быстро упало“. О числѣ больныхъ въ этой клиникѣ имѣются печатныя свѣдѣнія („Вѣстникъ Психіатріи“, 1891 г., „Обозрѣніе Психіатріи“, 1908 г.). Г. П. находитъ нужнымъ сообщить, что деньги на наемъ мнѣ квартиры выдавались „неукоснительно“; но вѣдь и самъ г. П. получаетъ квартирныя „неукоснительно“, но 1000 р., а не 600, какъ я.

Обращаю особое вниманіе читателей на слѣдующую фразу письма г. *Пассека* „Насколько-же въ своемъ правѣ на отопленіе и освѣщеніе былъ убѣжденъ самъ проф. Чижъ, видно изъ того, что когда ему было предложено ассистентами давать письменныя приказы объ отпускѣ ему матеріаловъ, то онъ отъ этого крайне благоразумно уклонился.“

Очевидно, что г. П. говоритъ „неправду“; этого не могло быть уже потому, что ассистенты врачи, слѣд, люди порядочные и слѣд. не стали-бы работать съ профессоромъ, совершающимъ то гнусное дѣяніе, которое приписываетъ мнѣ г. П. Также очевидно, что г. П. публично обвиняетъ меня въ гнусномъ дѣяніи на основаніи ложнаго доноса, сдѣланнаго на меня г. П. кѣмъ-либо, уволеннымъ мною со службы. Также очевидно, что г. П. отбѣ и отбѣ сообщаетъ, что онъ принялъ на меня доносъ; онъ даже не стѣсняется признаться въ этомъ подвигѣ. Мой „конфликтъ“ съ г. П. и состоитъ именно въ томъ, что я нахожу, что „г. П. не долженъ собирать доносы, а онъ признаетъ за собою такое право. Наше существенное разногласіе въ пониманіи „добра и зла“ вполне

объясняетъ тѣ чувства, которыя такъ ярко проявились въ письмахъ г. П.; отъ лица, принимающаго доносы, ко мнѣ и не можетъ быть другого отношенія кромѣ враждебнаго.

Какъ г. П. понимаетъ „истину и справедливость“, можно судить по слѣдующему: онъ пишетъ „разрѣшеніе и испрашивалось, и получено было на пріобрѣтеніе лошадей для нуждъ клиники, а не для личныхъ нуждъ ея директора: вмѣсто дровъ, воды, песка и т. п., они стали возить лично его персону“. Въ дѣйствительности, проф. Эммингаузъ просилъ разрѣшенія купить 2-ую лошадь, потому что „мои директорскія обязанности (meine direktorielle Amtsgeschäfte) такъ увеличились, что пріобрѣтеніе 2-ой лошади является необходимой, которою я для моихъ поѣздокъ (zu meinen Fahrten)... могъ-бы пользоваться¹⁾“. Воды, песка, дровъ и т. п. клиническія лошади никогда не возили, да и возить не могли: въ клиникѣ имѣется водопроводъ, въ песокъ нѣтъ надобности, а дрова доставлялись Правленіемъ. Если г. П. „пишетъ завѣдомую неправду“ даже въ случаѣ, гдѣ имѣются официальные документы, легко себѣ представить, какъ онъ „не стѣсняется“ „истиной и справедливостью“.

Затѣмъ г. П. припоминаетъ о наградныхъ, назначенныхъ мнѣ г. министромъ народнаго просвѣщенія и о пособіи на поѣздку въ Римъ. Не говоря уже о крайней скромности этихъ суммъ, необходимо напомнить, что онѣ были мнѣ назначены въ 1896 и 1897 гг., т. е., когда въ клиникѣ не было дефицита; слѣд., дефициты, возникшіе съ 1898 г., были невыгодны и для меня. За время моей 17-лѣтней службы въ Юрьевѣ я участвовалъ въ трудахъ 8 международныхъ Конгрессовъ и въ 5 Пироговскихъ Съѣздахъ. Получилъ пособіе всего 2 раза: 150 р. въ 1894 г. и 300 (изъ средствъ Университета по распоряженію г. министра) въ 1901 г. Слѣд., въ 11 случаяхъ я тратилъ собственныя средства, что мнѣ обошлось болѣе 3000 руб.; думаю, что и казенныя и мои собственныя деньги истрачены не напрасно: я сдѣлалъ 18 докладовъ и о 8 Конгрессахъ напечаталъ отчеты.

1) Точная копія документовъ на нѣмецкомъ языкѣ прислана въ распоряженіе редакціи. *Ред.*

О вычисленіяхъ (конечно, неточныхъ) г. П. суммы „въ какую обошлась клиникѣ домовитость проф. Чижѣ“, необходимо сказать, что если-бы г. П. былъ послѣдователемъ, то долженъ былъ-бы вычислить все, что за эти 17 лѣтъ уплочено и другимъ служащимъ въ клиникѣ, и тогда получилась бы еще болѣе внушительная цифра. Наконецъ, не по моему счету, а по общепринятому порядку дефицитомъ считается разница между пассивомъ и активомъ, и потому утвержденіе г. П., что будто-бы дефицитъ клиники 30000 руб. просто „неправда“.

Г. П. высказалъ глубоко вѣрный афоризмъ „тѣмъ свободнѣе дѣйствовать людямъ грязью не стѣсняющимся“. „Свободнѣе дѣйствовать“ г. Пассека невозможно, что доказывается и его письмами, и всей его карьерой. Не въ примѣръ прочимъ г. П. и выдержалъ экзаменъ, и защитилъ магистерскую диссертацию, состоя на службѣ въ Юрьевѣ, т. е. передъ друзьями (въ 1893 г.)¹⁾; примѣру г. П. никто не послѣдовалъ; не въ примѣръ прочимъ, написавъ за 22 года службы одну работу (магистерскую диссертацию), г. П. сдѣлался исполняющимъ должность ординарнаго профессора, а потому получаетъ отличное содержаніе; не въ примѣръ прочимъ у него проживали „компетентныя власти“; не въ примѣръ прочимъ онъ получилъ и генеральскій чинъ; не въ примѣръ прочимъ онъ принималъ доносы и публично заявилъ объ этомъ подвигѣ. Вотъ это дѣйствительно „крупныя общественныя явленія“. Печально, что онѣ мало кого возмущаютъ; какъ опасно возмущаться этими явленіями, указываютъ пережитыя мною непріятности.

Г. Пассекъ отказывается отъ дальнѣйшихъ пререканій со мною; такъ какъ эти пререканія началъ г. П., то предоставляю читателямъ оцѣнить значеніе этого отказа. Я не отказываюсь и впредь отъ выясненія истины, если она и впредь будетъ искажаться г. П. Для выясненія истины нѣтъ лучшаго способа, по моему убѣжденію, какъ обращеніе къ суду общественнаго мнѣнія; я не знаю лучшаго²⁾.

1) Библиографическій словарь Юрьевскаго Университета. Т. 1. стр. 616.

2) Въ виду достаточной, по нашему мнѣнію, выясненности настоящаго спора, мы закрываемъ для него страницы „Русскаго Врача“, *Ред.*

Теперь къ этой полемикѣ считаю необходимымъ при-
совокупить слѣдующее:

Только въ концѣ ноября 1907 г. я оправился отъ
болѣзни настолько, что могъ поѣхать въ Петербургъ,
чтобы разузнать въ чемъ дѣло. Оказалось, что бывшій
министръ народнаго просвѣщенія г. фонъ-Кауфманъ моего
дѣла не знаетъ; я просилъ его заняться этимъ дѣломъ.
Г. Герасимовъ сказалъ мнѣ, что онъ университетами не
занимается, въ отсутствіе г. фонъ-Кауфмана онъ завѣды-
валъ университетами и тогда дѣйствительно у него были
свѣдѣнія о плохомъ веденіи дѣла въ Юрьевской пси-
хиатрической клиникѣ, и онъ находилъ нужнымъ запро-
сить отъ меня объясненій.

Наконецъ 16 декабря Правленіе Университета препро-
водило мнѣ копію печатаемаго ниже предложенія г. Попе-
чителя Рижскаго Учебнаго Округа г. Ректору Юрьевскаго
Университета. 17 декабря я сообщилъ Правленію, что по
поводу этой бумаги я представляю докладную записку непо-
средственно г. Министру Народнаго Просвѣщенія, въ кото-
рой выясню, что взводимыя на меня обвиненія и невѣрны
и несправедливы; вмѣстѣ съ тѣмъ, я предложилъ Правле-
нію представить копію этой докладной записки, когда она
будетъ готова. Правленіе не почтило меня отвѣтомъ.

Думаю, что г. фонъ-Кауфманъ забылъ о подписан-
ной имъ 18 сентября бумагѣ. На сколько правильно
дѣйствовалъ бывшій Попечитель Рижскаго Учебнаго Округа
г. Левшинъ, предложившій примѣнить по отношенію
меня административную кару, даже не запросивъ отъ
меня объясненій — предоставляю судить читателямъ. Не-
обходимо замѣтить, что г. Левшинъ находится въ такихъ
дружественныхъ отношеніяхъ съ г. Пассекомъ, что, при-
ѣхавъ въ Юрьевъ для осмотра учебныхъ заведеній, про-
живалъ у г. Пассека. При такихъ условіяхъ нѣтъ ничего
удивительнаго, что въ „автономномъ“ университетѣ такъ
мало церемонились съ профессоромъ прослужившимъ
„безпорочно“ 30 лѣтъ.

Копія.

Г. Ректору Императорскаго Юрьевскаго Университета.

Министерство Народнаго Просвѣщенія въ предложеніи отъ 18 сентября с. г. за № 331 сообщило мнѣ слѣдующее:

„Какъ видно изъ свѣдѣній, доставленныхъ Вашимъ Превосходительствомъ, а также полученныхъ путемъ ревизіи, произведенной при участіи чиновъ государственнаго контроля, въ числѣ учебно-вспомогательныхъ учрежденій Юрьевскаго Университета особливою задолженностью отличается психіатрическая клиника, количество долговъ которой простирается нынѣ до суммы свыше 22 тыс. рублей. Такая степень задолженности означенной клиники не находитъ себѣ оправданія въ недостаточности располагаемыхъ ею средствъ, такъ какъ она имѣетъ на хозяйственныя свои нужды (считая 2 т. штатныхъ суммъ) до 30 т. руб. въ годъ. Изъ этой суммы часть (5—6 тыс.) остается, правда, въ недоимкѣ за мѣстнымъ мѣщанскимъ обществомъ, но происходящій отъ того дефицитъ не превосходитъ 2000—3500 руб. въ годъ, что видно изъ слѣдующаго разсчета. Клиника содержитъ до 80 больныхъ, изъ коихъ 55 больныхъ, по 24 руб. въ мѣсяць, 10 платящихъ по 30 руб. въ мѣсяць, 13 — по 45 руб. и 2 — по 70 р. Содержаніе больныхъ первой категоріи обходится клиникѣ въ 23 р. въ мѣсяць. Если допустить затѣмъ, что на прочихъ больныхъ расходуется вся вносимая ими сумма, то общій годовой расходъ по содержанію больныхъ составитъ 27480 р.; т. е. даже при дѣйствительномъ сборѣ съ больныхъ не болѣе 24 т. р., дефицитъ окажется лишь въ 3¹/₂ т. р., или въ 3 года — въ 10¹/₂ т. р. А такъ какъ общая сумма долговъ клиники — свыше 22 т. р. образовалась въ 3 года, то половина этой суммы не находитъ себѣ основанія въ недостаточности средствъ клиники. Нельзя, конечно, отрицать, что принужденная довольствоваться содержаніемъ до 80 человекъ больныхъ и до 45 человекъ служащаго при клиникѣ персонала она, не можетъ считаться располагающей обильными средствами. Но именно въ виду ограниченности сихъ средствъ, со стороны завѣдующаго клиникой лица требуется особенная хозяйственная предусмотрительность и расчетливость, какихъ, однако, какъ видно

изъ имѣющихся данныхъ, не усматривается ни въ порядкѣ испрошенія для клиники дополнительныхъ суммъ изъ средствъ университета, ни въ самомъ существѣ производимыхъ на нее расходовъ.

1. Для сколько-нибудь упорядоченнаго веденія дѣла клиники директору оной надлежало бы составлять ежегодно и своевременно представлять на утвержденіе правленія университета смѣту тѣхъ необходимыхъ дополнительныхъ хозяйственныхъ расходовъ, которые такъ или иначе университету придется покрывать изъ его специальныхъ средствъ (по вышеприведенному расчету до $3\frac{1}{2}$ т. р. въ годъ), и затѣмъ сообщать свои хозяйственныя операциі съ размѣромъ предоставляемыхъ въ его распоряженіе суммъ. Такой образъ дѣйствія не только имѣлъ бы своимъ послѣдствіемъ большую степень осторожности въ хозяйственныхъ расчетахъ по клиникѣ, но и сокращеніе самыхъ ея расходовъ. Нынѣ при полученіи различныхъ припасовъ въ долгъ, погашеніе коего нерѣдко весьма затягивается, нѣтъ возможности ожидать отъ поставщиковъ скидки въ цѣнахъ на товары, обыкновенно дѣлаемой при оптовомъ ихъ приобрѣтеніи. Всѣ продукты приобрѣтаются по цѣнамъ, устанавливаемымъ для розничной продажи, т. е. въ конечномъ результатѣ гораздо дороже, чѣмъ то могло бы быть. Довольно просмотрѣть любой изъ имѣющихся въ Министерствѣ счетовъ клиники, чтобы убѣдиться, что всѣ припасы приобрѣтались клиникой по цѣнамъ, не только низшимъ, но часто высшимъ, чѣмъ то бываегь въ обычномъ частномъ хозяйствѣ въ г. Юрьевѣ, наприм. цѣльное молоко, сливки, сахарный песокъ, керосинъ, говядина II сорта, лимоны и т. п. Изъ счетовъ булочной Э. Б. отъ 31 августа 1904 г. до 30 апрѣля 1905 г. не видно даже той уступки, какая обычно дѣлается въ булочныхъ при заборѣ на книжку и которая дѣйствительно была допущена (въ размѣрѣ 15%) булочной III. за время съ 1 января по 1 октября 1906 г.

2. Обращаясь за симъ къ самому существу сдѣланныхъ клиникой и неоплаченныхъ ею заказовъ, нужнымъ считаю указать, во первыхъ, на количественную, а во вторыхъ, на качественную ихъ сторону:

а) Количество затребованныхъ предметовъ, казалось бы,

не соотвѣтствуетъ ни средствамъ клиники, ни дѣйствительной въ нихъ надобности. Такъ, по поводу счета на пополненіе бібліотеки клиники я, при всемъ сочувствіи къ желанію директора обставить эту бібліотеку, по возможности, полно, нахожу, что пріобрѣтеніе книгъ въ теченіе одного года (1905) на 443 р. 79 к. можетъ позволить себѣ лишь учрежденіе гораздо болѣе богатое (не говоря уже про то, что этотъ расходъ безусловно требуетъ предварительнаго разрѣшенія правленія университета). Засимъ отъ 6 іюня по 18 ноября 1904 г., т. е. въ 4 мѣс. 14 дней клиника потребила сахарнаго песку 119 пудовъ, т. е. болѣе 30 фунт. въ день, не считая потребленныхъ за то же время 15 пуд. пиленнаго сахара. Съ іюня до ноября 1906 г. включительно въ клиникѣ понадобилось разныхъ закусокъ вина, конфектъ и фруктовъ на 475 р. 79 к. Провѣрить правильность расходовъ на мясное и молочное довольствіе, составляющее за это же время по имѣющимся счетамъ на полное число продовольствуемыхъ въ клиникѣ 125 чел. до 10 к. въ день, очень трудно за отсутствіемъ свѣдѣній какъ о томъ сколько изъ сей суммы приходится на больныхъ и сколько на прислугу клиники, такъ и о томъ, не была ли хотя часть неотложнаго расхода на этотъ предметъ отнесена на счетъ сбора съ больныхъ и если нѣтъ, то почему. Во всякомъ случаѣ къ этому расходу на пищу нужно прибавить еще не меньшую сумму на хлѣбные продукты и сельди, такъ что общая сумма на этотъ предметъ составитъ (считая полное число продовольствуемыхъ въ 125 чел.) не менѣе 20 коп. въ день, а прибавляя сюда закуски и напитки, до 25 к. въ день. Но если принять во вниманіе, что этотъ расходъ весь покрывается изъ суммъ, назначенныхъ на содержаніе 80 больныхъ, то на каждого больного придется 39 к. въ день или въ мѣсяць 11 р. 70 к., т. е. болѣе половины всей суммы, идущей на содержаніе больного. Изъ счетовъ на предметы потребленія обращаютъ на себя вниманіе также счетъ на сельтерскую воду и пиво. Первой въ теченіе года (отъ апрѣля 1905 г. до апрѣля 1906 г.) было потреблено 3000 бутылокъ, второго 850 бутылокъ. Представляется неяснымъ, въ какой мѣрѣ этотъ расходъ требуется лечебными цѣлями клиники.

б) Качественная сторона приобретаемых клиникой продуктов заслуживает еще болѣе серьезнаго вниманія. Администрация клиники считаетъ себя въ правѣ расходовать ея средства на предметы потребленія, стоящіе значительно дороже обычныхъ мѣстныхъ цѣнъ, а подчасъ и весьма дорогіе. Такъ 18 августа 1904 г. были приобретены $4\frac{1}{2}$ фунта лососины за непомѣрную цѣну 7 р. 2 к., 10 ноября 1904 г. $6\frac{3}{4}$ ф. осетрины по 1 р. 65 к. за фунтъ, и такія приобретения повторялись затѣмъ неоднократно: такъ 21 января 1905 г. было куплено $21\frac{3}{4}$ ф. семги по 1 р. 65 к. за фунтъ, всего на 35 р. 88 к.; а 26 августа 1905 г. 7 ф. лососины по 1 р. 60 к. за фунтъ, 13 ноября 1905 г. и нѣсколько разъ впоследствии были куплены сыръ Рокфоръ по 1 р. 20 к. за фунтъ. Коньякъ и ромъ приобретались по 4 р. 50 коп. за бутылку. Кофе, чай, шоколадъ, конфекты покупались гораздо дороже среднихъ цѣнъ. Очень порядочную колбасу можно имѣть въ Юрьевѣ по 30 к. за фунтъ и даже дешевле; но клиника обыкновенно предпочитала платить по 50 к. Бѣлое и красное вино большими партіями покупались по 1 р. 75 к. за бутылку; 17 іюня 1905 г. было куплено $7\frac{1}{2}$ фунтовъ вишенъ по 1 р. за фунтъ. Нѣтъ надобности умножать эти примѣры, такъ какъ для убѣжденія въ справедливости сказаннаго достаточно просмотрѣть счета винной, фруктовой, гастрономической и колониальной торговли Р. съ августа 1904 г. по ноябрь 1906 г., представляющіе итогъ въ 5705 р. 55 к., т. е. составляющіе болѣе четвертой части всего лежащаго на клиникѣ долга.

Изъ изложеннаго Ваше Превосходительство изволите усмотрѣть, что хозяйство психіатрической клиники Юрьевскаго университета велось съ непростительной небрежностью, естественно вызывающей постановку вопроса о томъ, можетъ ли управленіе клиникой быть оставляемо и впредь за нынѣшнимъ ея директоромъ, профессоромъ Чижемъ“.

.....
 1)

 1) Точками я замѣнилъ періодъ, относящійся не ко мнѣ. В. Ч.

Вмѣстѣ съ тѣмъ посылаю заключеніе въ Министерство, что управленіе клиникой оставаться и впредь за нынѣшнимъ ея завѣдующимъ профессоромъ Чижомъ не можетъ.

Попечитель Левшинъ.

Докладная записка.

Вслѣдствіе даннаго мнѣ Его Высокопревосходительствомъ Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія 30 декабря 1907 и полученнаго мною 6 января 1908 разрѣшенія, имѣю честь представить объясненія о моихъ дѣйствіяхъ въ качествѣ завѣдующаго психіатрической клиникой Юрьевского Университета.

При этомъ имѣю честь доложить, что часть обвиненій изложенныхъ въ предложеніи Г. Попечителя Рижскаго учебнаго Округа на имя г. ректора Юрьевского Университета отъ 8 декабря 1907 за № 11078 невѣрна, а другая ихъ часть несправедлива. Неправильныя обвиненія суть слѣдующія:

1) Мнѣ ставится въ вину, что съ 5-го апрѣля 1905 по 5 апрѣля 1906 г. „было потреблено“ въ клиникѣ 3000 бутылокъ зельтерской воды. Это обвиненіе есть явная ошибка, такъ какъ „было потреблено“ въ дѣйствительности 3000 полубутылокъ т. е. *1500 бутылокъ*. Легко убѣдиться въ ошибкѣ: въ счетахъ показана стоимость зельтерской воды, а именно 100 полубутылокъ приобрѣтались за 3 руб. 20 копѣекъ. Общеизвѣстно, что бутылку зельтерской воды за 3, 2 копѣйки купить нельзя. Зельтерская вода употреблялась съ лечебными цѣлями.

2) Мнѣ ставится въ вину, что за то-же время клиникой „было потреблено“ 850 бутылокъ пива. Это обвиненіе также явная ошибка; было потреблено не 850 бутылокъ, а 850 полубутылокъ, то-есть *425 бутылокъ*. Не могу даже объяснить, какъ произошла эта ошибка, такъ какъ въ счетахъ ясно написано, что пиво приобрѣталось полубутылками ($\frac{25}{2}$ б.) Объ употребленіи пива могу лишь повторить сказанное относительно зельтерской воды.

3) Мнѣ ставится въ вину, что „отъ 6 іюня по 18 ноября 1904 т. е. въ 4 мѣсяца 14 дней клиника потребила сахарнаго песку 119 пудовъ, т. е. болѣе 30 фунтовъ въ день“. Ошибочность этаго обвиненія бросается въ глаза: отъ 6 іюня по 18

ноября не 4 мѣс. 14 дней, а *пять мѣсяцевъ и пятнадцать дней*. При провѣркѣ счетовъ купца Б. оказывается, что кликой было взято не 119 а 104 пуда сахарнаго песку, что дѣйствительно до конца года т. е. по 31 декабря забраннаго по 18 ноября сахарнаго песку оказалось достаточно, слѣдовательно 104 пудовъ сахарнаго песку хватило на срокъ гораздо болѣе продолжительный, чѣмъ 4 мѣсяца и 14 дней, почему указаніе обвиненія, что клика потребила „болѣе 30 фунтовъ въ день“ совершенно не вѣрно. Считаю необходимымъ объяснить, что въ іюль и августъ въ кликѣ заготовляются на весь годъ варенье и консервы, и въ 1904 году было въ среднемъ 93 а не 80 больныхъ.

4) Мнѣ ставится въ вину, что „17 іюня 1905 г. было куплено 7¹/₂ фунтовъ вишень по 1 руб. за фунтъ“. § 55-й Устава Императорскаго Дерптскаго Университета гласитъ „Вакаціи назначающіяся 10 іюня.... и потому 17-го іюня 1905 г. я былъ въ отпуску, проживалъ въ Карлсбадѣ (около Риги), а слѣдовательно ставить мнѣ въ вину эту покупку можно лишь по ошибкѣ.

5) Наибольшаго вниманія заслуживаетъ слѣдующая фраза обвиненія „всѣ припасы пріобрѣтались кликой по цѣнамъ, не только не низшимъ, но часто высшимъ, чѣмъ то бываетъ въ обычномъ частномъ хозяйствѣ въ г. Юрьевѣ, наприм. цѣльное молоко, сливки, сахарный песокъ, керосинъ, говядина II сорта, лимоны и т. п.“ Понятно, насколько данное обвиненіе серьезно, если-бы оно было основательно, и съ какою осторожностью слѣдуетъ высказывать такія обвиненія. При провѣркѣ оказывается, что это обвиненіе совершенно неправильно. Стоитъ лишь сравнить цѣны, по которымъ покупала психіатрическая клика съ цѣнами, по которымъ пріобрѣтали тѣ-же товары другія клиники, чтобы убѣдиться, что психіатрическая клика пріобрѣтала не „по высшимъ“ цѣнамъ, а въ общемъ даже дешевле другихъ клиникъ, а именно: молоко психіатрическая клика въ 1905 г. пріобрѣтала по 6 копѣекъ, а глазная клика по 7 коп.; сливки психіатрическая клика пріобрѣтала по 21 коп., а глазная клика по 24 копѣйки. Цѣны на сахарный песокъ и керосинъ измѣнчивы, и потому слѣдуетъ сравнивать цѣны на эти товары по мѣсячно; въ ноябрѣ 1905 г. психіатрическая клика платила за фунтъ сахара 13¹/₂ к.,

медицинская клиника и глазная клиника въ ноябрѣ 1905 платили за фунтъ 14 к.; въ ноябрѣ 1905 психіатрическая клиника платила за пудъ керосина 1 руб. 95 к., а акушерская клиника 2 руб.; за лимоны и психіатрическая и глазная клиники платили по 6 к. за штуку. За говядину II сорта психіатрическая клиника платила по 12 к. за фунтъ; въ Юрьевѣ говядину II-го сорта „ливонскую“ нельзя имѣть дешевле этой цѣны; 11 коп. и даже 10 к. стоитъ 2-ой сортъ „русской“ и еврейскаго убоя говядины.

6) Мнѣ ставится въ вину слѣдующее: „Очень порядочную колбасу можно имѣть въ Юрьевѣ по 30 к. за фунтъ и даже дешевле; но клиника обыкновенно предпочитала платить по 50“. Это обвиненіе удивляетъ меня своею неосновательностью. Дѣло обстояло такъ: Клиника „обыкновенно предпочитала“ забирать колбасу у мясника О.; ежемѣсячно забиралось болѣе 300 фунтовъ колбасы на сумму около 50 руб.; бралась колбаса и по 10 к., и по 13 к., и по 15 к. и по 18 к., и по 20 к. и по 35 и по 40 к. за фунтъ. Клиника покупала колбасу по 50 коп. за фунтъ въ магазанѣ Р. (привозную т. е. приготовленную не въ Юрьевѣ) лишь по нѣскольکو фунтовъ въ мѣсяць, на примѣръ въ августѣ 1905 г. взято 6 фунтовъ колбасы по 50 к. за фунтъ, а въ сентябрѣ даже ни одного фунта. Уже съ 1-го іюня 1906 г. колбасы по 50 к. клиника совершенно не покупала. Клиника брала нѣскольکو мѣсяцевъ колбасу по 50 к. за фунтъ, всего по нѣскольکو фунтовъ въ мѣсяць не по моей „непростительной небрежности“, а потому что эта колбаса очень нравилась нѣкоторымъ больнымъ 1-го и 2-го класса, и такъ какъ удовлетвореніе этой прихоти обходилось менѣе 1 руб. въ мѣсяць, я не находилъ основанія не исполнять желанія больныхъ.

7) Мнѣ ставится въ вину слѣдующее: „Изъ счетовъ булочной Б. отъ 31 августа 1904 г. до 30 апрѣля 1905 г. не видно даже той уступки, какая обычно дѣлается въ булочныхъ при заборѣ на книжку и какая дѣйствительно была допущена (въ размѣрѣ 15%) булочной Ш. за время съ 15-го января по 1 октября 1906 г.“ Дѣло это было такъ; булочная Б. лучшая въ городѣ, 15% скидки не дѣлаетъ и наконецъ отказалась отпускать булки клиникѣ ввиду запаздыванія въ уплатѣ по счетамъ. Поневолѣ пришлось обратиться въ булочную Ш., булки котораго по крайней мѣрѣ на 15%

хуже булокъ Б. издѣлья котораго (пфеферкухены) я самъ видѣлъ въ лучшихъ гастрономическихъ магазинахъ Петербурга.

8) По поводу произведеннаго мною расхода на книги сказано: „что этотъ расходъ безусловно требуетъ предварительнаго разрѣшенія правленія университета“. Въ дѣйствительности, *это не такъ*. Я былъ бы долженъ испросить разрѣшенія правленія, если-бы на 443 рубля, я желалъ-бы приобрести одно изданіе т. е. затратить сразу болѣе 300 руб. Ни по правиламъ, ни по обычаю, такое разрѣшеніе въ данномъ случаѣ не требовалось; директора учрежденій Юрьевского Университета за свѣше 100-лѣтнее его существованіе никогда не испрашивали разрѣшенія на покупку отдѣльныхъ журналовъ и книгъ, стоимостью по нѣсколько рублей каждая.

9) Далѣе считаю необходимымъ дать объясненія по поводу слѣдующей фразы обвиненія. „Провѣрить правильность расходовъ на мясное и молочное довольствіе, составляющее за это же время по имѣющимся счетамъ на полное число продовольствуемыхъ въ клиникѣ 125 чел. по 10 к. въ день, очень трудно за отсутствіемъ свѣдѣній какъ о томъ сколько изъ сей суммы приходится на больныхъ и сколько на прислугу клиники, какъ и о томъ, не была ли хотя часть неотложнаго расхода на этотъ предметъ отнесена на счетъ сбора съ больныхъ, и если нѣтъ, то почему?“ Въ этой фразѣ обвиненія содержится двѣ ошибки, хорошо характеризующія неосновательность обвиненія. Во первыхъ „провѣрить правильность расходовъ“ не „очень трудно“, а крайне легко: нужно хотя разъ посѣтить клинику во время принятія пищи больными, чтобы непосредственно „провѣрить“ „сколько изъ этой суммы приходится на больныхъ и сколько на прислугу клиники“. Во вторыхъ, окончаніе фразы основано на недоразумѣніи, для меня просто непонятномъ: не „часть“, а весь расходъ былъ отнесенъ „на счетъ сбора съ больныхъ“, но, конечно, проведенъ черезъ Правленіе Университета; сама-же клиника, какъ и всѣ учрежденія Юрьевского Университета, не уплачивала ни копѣйки, потому что не имѣла на то права.

Еще болѣе важны нижеслѣдующія ошибки обвиненія:

10) Обвиненіе утверждаетъ „Для сколько нибудь упорядоченнаго веденія дѣла клиники директору оной надлежало-бы составлять ежегодно и своевременно представлять на утвержденіе пра-

вленія университета смѣту тѣхъ необходимыхъ дополнительныхъ расходовъ, которые такъ или иначе университету придется покрывать изъ его спеціальныхъ средствъ (по вышеприведенному расчету до $3\frac{1}{2}$ т. р. въ годъ)“. Во первыхъ, директора клиникъ и институтовъ, даже болѣе относительно своего годового бюджета задолженныхъ, чѣмъ психіартическая клиника, вообще не представляли смѣтъ Правленію университета, и потому непонятно, почему мнѣ „надлежало“ составлять исключеніе. Во вторыхъ, въ этомъ не было надобности, такъ какъ кредитами клиники распоряжался не директоръ клиники, а Правленіе университета; *всѣ* деньги, собранные клиникой, т. е. мной, въ тотъ-же день поступали въ Правленіе университета и *всѣ* расходы клиники производились по ассигновкамъ, выданнымъ Правленіемъ университета. Для себя, конечно, я всегда составлялъ смѣту доходовъ и расходовъ. Въ январѣ 1889 г. я уже видѣлъ, что пассивъ (неоплаченные счета, или то, что обвиненіе называетъ *долъ*) превышаетъ ея активъ (недоимки за больными), а именно пассивъ (то, что обвиненіе почему то называетъ *долгъ*) былъ 12,311 руб., а активъ былъ 12,148 р.; слѣдовательно настоящей *долгъ* или дефецитъ былъ 163 руб. Такъ какъ дефецитъ клиники, а равно ея активъ и пассивъ (то, что обвиненіе называетъ *долгъ*) возрастали и въ 1898 и въ 1899 годахъ, а Правленіе университета не находило возможнымъ уплатить эти дефициты, я 24 октября 1900 г. вошелъ въ Правленіе съ ходатайствомъ о разрѣшеніи повысить плату за леченіе больныхъ съ 21 руб. въ мѣсяць до 24 руб. Ходатайство это Правленіе отклонило, и такимъ образомъ вся отвѣтственность за *долгъ* клиники лежитъ не на мнѣ, а на Правленіи университета: если-бы это мое ходатайство было уважено, клиника въ теченіе семи послѣднихъ лѣтъ получала-бы больше около двухъ тысячъ въ годъ. Такъ какъ вслѣдствіе отказа Правленія разрѣшить мнѣ взимать за леченіе больныхъ вмѣсто 21 р. 24 руб., и дефициты и активъ, и пассивъ (то, что обвиненіе называетъ *долгъ*) клиники возрастали прогрессивно, я 17 декабря 1902 г., 21 января 1903 г., 24 ноября 1904 г., 16 ноября 1905 г., 16 декабря 1905 г., 28 декабря 1905 г., 15 января 1906 г., 30 августа 1906 г., 4 октября 1906 г., 18 октября 1906 г., 5 марта 1907 г. доносилъ Правленію о раз-

стройствѣ хозяйства клиники, просилъ о взысканіи недоимокъ за леченіе больныхъ, просилъ объ уплатѣ долга клиники, т. е. о покрытіи дефицита, просилъ объ усиленіи штатной суммы, о бесплатномъ снабженіи клиники дровами, просимъ Правленіе университета ходатайствовать передъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія о пособіи Клиникѣ, но всѣ мои ходатайства оставались безъ всякаго результата. Очевидно, что отвѣтственность за задолженность клиники лежитъ не на мнѣ, а на Правленіи университета. Въ случаѣ сомнѣнія въ справедливости мною сказаннаго, покорнѣйше прошу истребовать отъ Правленія университета мои вышеприведенные собственноручные донесенія и ходатайства.

11) Самая главная ошибка обвиненія, представляющая все дѣло въ ложномъ освѣщеніи слѣдующая: „клиника содержитъ до 80 больныхъ, изъ коихъ 55 больныхъ, платящихъ по 24 руб. въ мѣсяць“; далѣе изъ этой посылки дѣлаются различные выводы. Клиника взимала съ больныхъ 3-го класса не 24, а 21 руб. въ мѣсяць до сентября 1906 г. Только съ сентября 1906 г. съ больныхъ взималось 24 руб. въ мѣсяць. Въ сентябрѣ 1906 г. ввиду безвыходнаго положенія клиники и безуспѣшности всѣхъ моихъ ходатайствъ передъ Правленіемъ, я собственною властью повысилъ плату съ 21 до 24 руб. въ мѣсяць. Правленіе ежемѣсячно контролируетъ вѣдомости о поступленіи платы за леченіе больныхъ, и такимъ образомъ своевременно узнало о моемъ распоряженіи. Очевидно, что всѣ расчеты и соображенія обвиненія, какъ исходящія изъ предположенія, что клиника всегда взимала по 24 руб. въ мѣсяць съ больного, невѣрны и потому нѣтъ надобности объяснять ихъ несостоятельность. Съ сентября 1906 г. по времени клиника, взимая по 24 руб. въ мѣсяць, не сдѣлала ни копѣйки долга.

12) Самая ужасная ошибка обвиненія состоитъ въ слѣдующемъ: въ обвиненіи сказано „содержаніе больныхъ первой категоріи обходится клиникѣ въ 23 руб. въ мѣсяць“; ошибка, по истинѣ ужасна, потому что этого не только не было, но и не могло быть, такъ какъ содержать остраго душевно-больного за 23 руб. въ мѣсяць или 276 руб. въ годъ, въ клиникѣ, при 80 больныхъ не возможно. Что это такъ, легко убѣдиться изъ нижеслѣдующаго:

Въ Покровской, Московскаго земства, психіатрической больницѣ (635 больныхъ) больной обходился въ годъ (въ 1906 г.) 439 рублей.

Въ Одесской городской психіатрической боллницѣ въ 1905 г. (529 больныхъ) больной обходился въ годъ 403 рублей.

Въ Самарской земской психіатрической больницѣ (434 больныхъ) больной обходился въ годъ (въ 1905 году) 304 рублей.

Въ больницѣ св. Пантелеймона, предназначенной для хрониковъ (700 больныхъ), больной обходился въ годъ (въ 1904 г.) 278 руб. 73 коп.

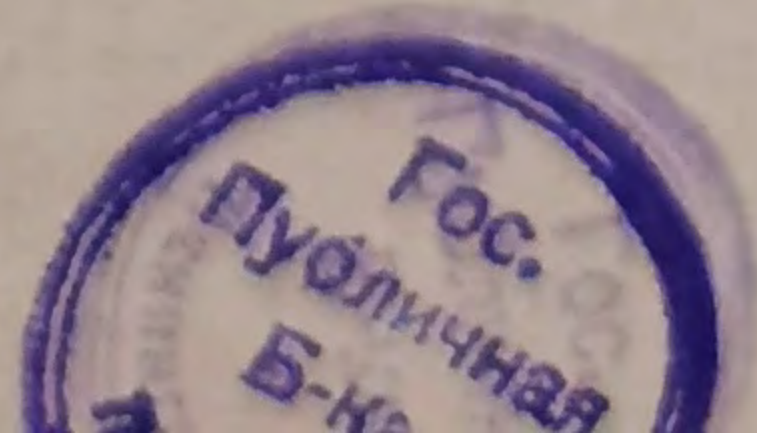
Очевидно, что если даже въ больницѣ св. Пантелеймона, предназначенной для хрониковъ и при 700 больныхъ, содержаніе больного въ годъ составляетъ 278 р. 73 к. въ клиникѣ Императорскаго университета, при 80 больныхъ, содержаніе больного *не можетъ* обходиться въ годъ 276 руб. или въ мѣсяць 23 рубля. Эта ошибка обвиненія такъ важна и такъ ужасна, что при малѣйшемъ сомнѣніи въ справедливости мною сказаннаго, я представляю печатные отчеты вышеназванныхъ мною больницъ.

13) Самое важное противъ меня обвиненіе состоитъ въ слѣдующемъ; „А такъ какъ общая сумма долговъ клиники свѣше 22 т. р. образовалась въ 3 года, то половина этой суммы не находитъ себѣ основанія въ недостаточности средствъ клиники“. Фраза эта доказываетъ полное незнаніе дѣлъ клиники со стороны обвиненія. Въ дѣйствительности „общая сумма долговъ“ „образовалась“ *не въ 3 года*, а за послѣдніе *пятнадцать лѣтъ*, что явствуетъ съ очевидностью изъ слѣдующаго официальнаго документа, хранящагося въ дѣлахъ Юрьевскаго Университета. Г. Попечитель Рижскаго Учебнаго Округа 10 февраля 1898 за № 994 просилъ Правленіе Юрьевскаго Университета „доставить“ „точные и подробныя свѣдѣнія о состояніи суммъ клиники нервныхъ и душевныхъ больныхъ“. Г. Ректоръ Юрьевскаго Университета марта 3-го 1898 г. за № 708 представилъ свѣдѣнія „о состояніи суммъ названной клиники къ 1-му февраля сего года“. Въ семъ представленіи Г. Ректора изложено: недоимокъ за больными (активъ) 12,148 руб. 76 к., неоплаченные счета (пассивъ, то, что обвиненіе называетъ *долгъ*) 12,311 руб. 9 к.; слѣдовательно дефицитъ или

дѣйствительный долгъ 162 руб. 33 к. Слѣдовательно, официально документомъ установлено, что 1 февраля 1898 г., слѣдователи“ была 12,311 р. 9 к. Въ январѣ 1907 г. недоимокъ за больными было 18,141 руб., неоплаченныхъ счетовъ (пассивъ, то, что обвиненіе называетъ долгъ) было 29,622 руб., слѣдовательно, дефицитъ или дѣйствительный долгъ былъ свыше 11 тысячъ. Затѣмъ весною 1907 г. Правленіе Университета изъ своихъ средствъ уплатило по счетамъ клиники 6,118 руб. 40 к. и осенью 1907 г. неоплаченныхъ счетовъ (пассивъ клиники, то, что обвиненіе называетъ долгъ) было нѣсколько болѣе 22 тысячъ руб.; недоимокъ за больными было около 19 т. рублей, слѣдовательно дефицитъ, или настоящій долгъ около 3 тысячъ рублей. Такимъ образомъ очевидно во первыхъ то, что обвиненіе совершенно неправильно утверждаетъ, что будто-бы „общая сумма долговъ клиники свыше 22 т. р. образовалась въ 3 года“, во вторыхъ, дѣйствительный долгъ, т. е. превышеніе пассива надъ активомъ не „простирается“, какъ утверждаетъ обвиненіе „нынѣ до суммы свыше 22 тысячъ рублей“, а „простирается“ лишь свыше 3 т. р., а въ февралѣ 1907 простирался лишь свыше 11 т. руб.

Слѣдующіе два пункта (№ 14 и 15) съ очевидностью указываютъ на полное незнакомство съ хозяйствомъ психіатрическихъ заведеній со стороны обвиненія, такъ какъ на основаніи правильно констатированныхъ фактовъ дѣлаются ложные выводы, т. е. то, что слѣдуетъ мнѣ поставить въ заслугу, ставится мнѣ въ вину.

14) Обвиненіе вполне правильно опредѣляетъ ежегодный дефицитъ клиники въ 2000—3500 руб.; почему то этотъ дефицитъ ставится въ связь съ недоимкой за мѣстнымъ мѣщанскимъ обществомъ (5—6 т. р.), но недоимокъ (активъ клиники), имѣется не 5—6 т. р., а свыше 19 т. р. Вполнѣ соглашаясь съ обвиненіемъ, что дефицитъ клиники ежегодно долженъ быть 2000—3500 р., я рѣшительно не понимаю на какомъ основаніи въ обвиненіи сказано „дефицитъ окажется лишь въ 3¹/₂ т. р. или въ три года въ 10¹/₂ т. р.“ Въ дѣйствительности клиника существуетъ съ 1881 г., а я ею завѣдую съ августа 1891 г., поэтому на основаніи вычисленія обвиненія долгъ клиники долженъ простираться отъ 32 т.



р. до 56 т. р. Дефицитъ въ 2000—3500 руб. произошелъ оттого, что съ 1890 г. Правленіе университета прекратило бесплатный отпускъ дровъ психіатрической клиники, хотя бесплатно отопляетъ всѣ учрежденія университета, за исключеніемъ психіатрической клиники. Отопленіе клиники въ годъ стоитъ до 2000 руб. Вслѣдствіе крайне плохой постройки зданія психіатрической клиники уже послѣ 10-ти лѣтняго ея существованія пришлось много денегъ (до 1500 р.) тратить на ея ремонтъ. Понятно, что только благодаря моей хозяйственной предусмотрительности и расчетливости дефицитъ клиники за шестнадцать лѣтъ возросъ лишь на 11 т. руб., а не на 32—56 т. р.

15) Мнѣ ставится въ вину „Во всякомъ случаѣ къ этому расходу на пищу нужно прибавить еще не меньшую сумму на хлѣбные продукты и сельди, такъ что общая сумма на этотъ предметъ составитъ (считая полное число продовольствуемыхъ въ 125 чел.) не менѣе 20 коп, въ день, а прибавляя сюда и закуски и напитки до 25 к. въ день“. Кто хотя сколько нибудь понимаетъ практическую психіатрію, будетъ удивленъ какъ дешево обходилась пища больныхъ въ психіатрической клиникѣ. Въ самомъ дѣлѣ. обвиненіе констатируетъ, что пища больныхъ обходилась 20 к. въ день, „а прибавляя сюда закуски и напитки до 25 к. въ день“. Замѣчу, что напитки (вина, пиво, зельтерская вода), слѣдуетъ считать лечебными средствами и относить въ статью „пища“ неправильно, слѣдовательно на пищу больныхъ расходовалось 22—23 к. въ день. Въ Покровской (Московского земства) психіатрической больницѣ при 635 больныхъ на пищу больнаго тратилось въ 1906 г. 22,65 копѣекъ въ день; въ Одесской городской больницѣ въ 1905 г. при 529 больныхъ на пищу больныхъ въ сутки расходовалось 21,71 к.; въ больницѣ св. Пантелеймона (700 больныхъ) въ 1904 пища больнаго обходилась въ 21,21 коп. Нужно принимать во вниманіе, что въ клиникѣ около 25 лицъ т. е. 20% общаго числа продовольствуемыхъ лицъ, пользуются пенсіонерскимъ или улучшеннымъ столомъ. Затѣмъ въ обвиненіи сказано „Но если принять во вниманіе, что этотъ расходъ весь покрывается изъ суммъ, назначенныхъ на содержаніе 80 больныхъ, то на каждого больнаго придется 39 к. въ день или въ мѣсяцъ

11 р, 70 к. т. е. болѣе половины всей суммы, идущей на содержание больнаго“. Дѣйствительно это такъ, ибо на 80 больныхъ приходится 45 служащихъ и слѣдовательныхъ на каждого больнаго кромѣ 25 к. на его собственную пищу приходится около 14 к. въ день на пищу служащихъ. Изъ этаго вполне правильнаго разсчета слѣдуетъ лишь сдѣлать три вывода: во первыхъ на 23 руб. (№ 12); во вторыхъ хозяйство психіатрической клиники вести очень трудно; въ третьихъ оно велось наилучшимъ образомъ, такъ какъ при 80 больныхъ, и при 25 лицахъ, пользующихся пенсіонерскимъ столомъ, пища больныхъ обходилась почти столько-же, сколько въ большихъ психіатрическихъ заведеніяхъ. При этомъ больныхъ въ клиникѣ угощали закусками, сыромъ Рокфоръ, конфектами, фруктами (№ 18 19) привозной (курляндской) колбасой (№ 6) и кормили лучшей въ Юрьевѣ говядиной т. е. „ливонской“ (№ 5).

16) Наконецъ, я категорически протестую противъ слѣдующей фразы обвиненія: „Но именно въ виду ограниченности сихъ средствъ со стороны завѣдующаго клиникой лица требуется особенная хозяйственная предусмотрительность и разсчетливость“. Требования ко мнѣ, какъ профессору, вполне опредѣленно и ясно изложены въ законѣ, а именно въ § 45 и 53 Устава Императорскаго Юрьевскаго Университета, и никто не имѣетъ рѣшительно никакого права предъявлять мнѣ какія-либо требования сверхъ ясно и опредѣленно изложенныхъ въ законѣ. Я, отъ котораго законъ требуетъ чтеніе лекцій, имѣю право требовать, чтобы мнѣ къ тому дана была возможность т. е. клинической матерьяль. Требовать отъ меня „хозяйственной предусмотрительности и разсчетливости“ да еще „особенной“, только потому, что клиника, мнѣ порученная, не имѣла достаточныхъ средствъ и незаконно и несправедливо. Изъ вышеизложеннаго, особенно изъ изложеннаго въ пунктахъ 14 и 15 видно, что я проявилъ „особенную хозяйственную предусмотрительность и разсчетливость“, изъ преданности и любви къ дѣлу, но настаиваю, что никто не имѣетъ права ихъ отъ меня „требовать“.

Перехожу къ тѣмъ обвиненіямъ, которыя, по моему глубокому убѣжденію, несправедливы, такъ какъ обвиненіе квалифици-

руеть какъ непростительную небрежность тѣ мои распоряженія, которыя были произведены вполнѣ сознательно и обдуманно, а не по небрежности.

17) Мнѣ ставится въ вину, что въ 1905 г. мною приобрѣтено книгъ и журналовъ на 443 р. 79 к. Изъ этой суммы 30 р. 74 к. израсходовано на книги и журналы для чтенія больныхъ, слѣдовательно на научныя книги и журналы затрачено 413 р. 5 к. Эта сумма для учрежденія, преслѣдующаго научныя и учебныя цѣли, по моему глубокому убѣжденію, минимальная. Это ясно изъ того, что Покровская (Московского земства) психіатрическая больница въ 1904 на книги а журналы израсходовала 747 р, 92 к. въ 1905 г. 550 р. 47 к., а въ 1906 г. 744 р. 63 к. Думаю, что это обвиненіе сдѣлано мнѣ по недоразумѣнію, такъ какъ не хочу вѣрить, что Министерство Народнаго Просвѣщенія, можетъ ставить въ вину профессору, что онъ затратилъ на научныя изданія столь скромную, какъ то видно изъ вышеприведеннаго сравненія съ земской больницей, сумму.

18) Мнѣ ставится въ вину „Съ іюня до ноября 1906 г. включительно въ клиникѣ понадобилось разныхъ закусокъ, вина, конфектъ и фруктовъ на 475 р. 79 к.“ Такъ какъ вино употреблялось почти исключительно, какъ лечебное средство, то 33 р. 64 к. затраченныя на вина, слѣдуетъ исключить изъ 475 р. 79 к., остается 442 р. 13 к. При тщательной провѣркѣ 5-ти счетовъ Р. съ іюня по ноябрь я нашель, что на вина, закуски, конфекты и фрукты истрачено не 475 р. 79 к., а 338 руб. 34 коп. Если этотъ пунктъ обвиненія признается важнымъ, прошу черезъ экспертовъ провѣрить, кто ошибается — обвиненіе или я. Впрочемъ, допуская даже, что цифра 475 р. 74 к. правильна, и вычитая изъ нея 33 р. 64 к., издержанныя на вина, т. е. на лечебное средство, оказывается, что за пять мѣсяцевъ на лакомства издержано 442 р. 13 к. или около 88 руб. въ мѣсяць. За эти мѣсяцы пользовались пенсіонерскимъ или улучшеннымъ столомъ около 25 человекъ (число больныхъ измѣнчиво). Считая по 2 р. въ мѣсяць на человека оказывается 50 руб.; на больныхъ и прислуги, пользовавшихся столомъ 3-го класса около 100 человекъ; слѣдовательно въ мѣсяць приходилось на каждого 38 к. или немного болѣе копѣйки

въ день. До сихъ поръ я нигдѣ ни читаль и ни отъ кого не слыхаль, что заботливость о больныхъ, выражающаяся въ томъ, что ихъ иногда угощаютъ фруктами, закусками и конфектами ставилась-бы въ вину психіатру. И не-психіатру ясно, что несчастные душевно-больные лишены сознательныхъ радостей; имъ доступны лишь физическія наслажденія, и потому противно элементарному человѣколюбію не доставляютъ имъ единственныхъ имъ доступныхъ, т. е. вкусовыхъ наслажденій. Дѣйствительно, я устраиваль для больныхъ и для прислуги празднества, на которыхъ они угощались закусками, фруктами и конфектами. Я ставлю себѣ это въ заслугу, считаю такія свои дѣйствія вполнѣ правильными, и никто въ мірѣ не можетъ меня убѣдить, что эти мои дѣйствія заслуживаютъ порицанія. Меня только удивляетъ и огорчаетъ, что Министерство Народнаго Просвѣщенія могло поставить мнѣ въ вину то, что всюду и всѣми ставится психіатрамъ въ заслугу.

19) Мнѣ ставится въ вину „13 ноября 1905 г. и нѣсколько разъ в послѣдствіи былъ купленъ сыръ Рокфоръ“. По моему глубокому убѣжденію, покупка сыра Рокфоръ съ очевидностью указываетъ до какихъ мелочей простиралась моя заботливость о больныхъ. Видно, что я входилъ въ мельчайшія подробности и всѣми способами старался доставлять удовольствіе несчастнымъ душевно-больнымъ. Крайне прискорбно за такую заботливость о больныхъ, вмѣсто благодарности, получаютъ упреки.

20) Мнѣ ставится въ вину, что „Администрація клиники считаетъ себѣ въ правѣ расходовать ея средства на предметы потребленія, стоящіе значительно дороже обычныхъ цѣнъ, а подчасъ и весьма дорогіе“. „Чай, кофе, шоколадъ, конфекты покупались гораздо дороже среднихъ цѣнъ“. Я нигдѣ не читаль, но слыхаль, правда отъ людей необразованныхъ, что для душевно-больныхъ можно покупать и дешевые товары, но всегда былъ того убѣжденія, что для больныхъ вообще слѣдуетъ покупать лучшіе сорта продуктовъ: здоровый легко замѣтитъ недоброкачественность продукта, а если и разстроитъ себѣ желудокъ дешевыми закусками или конфектами, пострадаетъ по собственной неосмотрительности. Но нельзя простить психіатру, попеченію котораго ввѣрены душевно-больные, если по его распоряженію больнымъ подають не

вполнѣ доброкачественные колониальные товары. Несомнѣнно, хорошіе товары стоятъ дорого; я всегда думалъ, что больнымъ слѣдуетъ покупать эти товары приблизительно такого-же качества и слѣдовательно по той же цѣнѣ, по какой я прибрѣталъ ихъ для собственнаго стола. Для лучшаго контроля, и во избѣжаніе возможныхъ инсинуацій, я для себя покупалъ въ магазинѣ Ф., и по цѣнамъ этого магазина контролировалъ цѣны магазина Р.; я хорошо помню, что сыръ Рокфоръ для себя я покупалъ по 1 руб. 20 коп. и по 1 р. 40 к.

21) Тѣже объясненія могу дать и по поводу обвиненія въ прибрѣтеніи хорошаго, а слѣдовательнаго сравнительно дорогого вина. По моему убѣжденію съ лечебной цѣлью можно давать только хорошіе (ужь конечно *не* столовые) вины или по крайней мѣрѣ доброкачественные, такъ какъ я неоднократно замѣчалъ, что дешевые вины приносятъ только вредъ. Впрочемъ, это настолько общеизвѣстно, что никакихъ сомнѣній по этому поводу быть не можетъ.

Я знаю, что правленіе университета, какъ учрежденіе, располагающіе кредитами клиники, могло-бы указать мнѣ на тѣ цѣны, выше которыхъ я не долженъ былъ бы разрѣшать прибрѣтеніе вина, чая, кофе, конфектъ, шоколада и т. п. Если-бы правленіе сдѣлало такое распоряженіе, съ меня было-бы снята отвѣтственность за снабженіе душевно-больныхъ дешевыми, а слѣдовательно, не вполнѣ доброкачественными продуктами; но пока такого распоряженія сдѣлано не было, очевидно я не могъ дѣйствовать противно своимъ убѣжденіямъ.

22) Наконецъ мнѣ ставится въ вину, что прибрѣтались предметы потребленія „подчасъ и весьма дорогіе“. Какъ примѣры такой расточительности въ обвиненіи указаны; „4¹/₂ фунта лососины за непомѣрную цѣну 7 р. 2 к.“ (куплена 18 августа 1904 г.), „10 ноября 1904 г. 6³/₄ ф. осетрины“, „21 января 1905 г. было куплено 21³/₄ ф. семги“, „26 августа 1905 г. 7 ф. лососины“, „коньякъ и ромъ прибрѣтались по 4 р. 50 к. за бутылку“. Конечно, я вполнѣ согласенъ съ тѣмъ, что такія покупки заслуживаютъ порицанія: лососину и осетрину слѣдуетъ покупать когда онѣ дешевы, а порядочные ромъ и коньякъ можно имѣть и де-

шевле 4 р. 50 к. Но во первыхъ такія неудачныя покупки не имѣютъ значенія; во вторыхъ, онѣ дѣлались очень рѣдко, конечно принимая во вниманіе обширность хозяйства клиники. Изъ приведенныхъ въ обвиненіи примѣровъ покупки „за непомѣрную цѣну“ видно, какія ничтожныя количества товара были куплены „за непомѣрную цѣну“. Только 23 января 1905 г. было куплено сразу $21\frac{3}{4}$ ф. семги, но эта семга была куплена для маслянной; тогда было около 90 больныхъ. Конечно, можно было-бы купить семгу и дешевле, но такъ какъ я неоднократно наблюдалъ разстройства желудка послѣ употребленія дешевой, а слѣдовательно не всегда вполне свѣжей семги, я сказалъ экономкѣ купить вполне доброкачественную семгу. Насколько рѣдко дѣлались покупки „за непомѣрную цѣну“ можно судить по слѣдующему: въ первый разъ бутылка рому за 4 р. 50 к. была куплена 15 декабря 1905 г., во второй разъ 29 декабря 1904 г.; третья и четвертая 2 февраля 1905 г.; пятая и послѣдняя 26 августа 1905 г. Какъ приведенные въ обвиненіи примѣры, такъ и не приведенные, покупокъ „за непомѣрную цѣну“, какъ ни ничтожны и мелки такіе факты въ большомъ хозяйствѣ, обращали своевременно на себя мое вниманіе, и я неоднократно дѣлалъ за нихъ выговоры экономкѣ. Наконецъ, въ концѣ 1905 г. я сталъ искать другую экономку, такъ какъ мои замѣчанія экономкѣ оставались безъ послѣдствій. Считаю своимъ долгомъ заявить, что эти неудачныя покупки экономка дѣлала по несообразительности, и утверждаю, что она была безукоризненной честности. Найти подходящую экономку я долго не могъ, потому что, дѣйствительно, очень трудно найти подходящее лицо: экономка должна умѣть вести большое хозяйство (на 125 человѣкъ), знать три языка, обладать крѣпкимъ здоровьемъ, быть безукоризненнаго поведенія. Только осенью 1905 я нашелъ подходящую экономку, но уволить старую экономку тогда я не могъ, въ виду возбужденія въ которомъ тогда находилась прислуга. Когда все успокоилось, я заблаговременно предупредивъ экономку, уволилъ ее въ апрѣлѣ 1906 г., и новая экономка не дѣлала неосмотрительныхъ, т. е. „за непомѣрную цѣну“ покупокъ. Такимъ образомъ я не проявилъ „непростительной небрежности“ по отношенію къ ошибкамъ, совершенныхъ экономкой и сдѣлалъ все для

меня возможное, чтобы их прекратить. Объ увольненіи экономки въ апрѣлѣ 1906 г. знало правленіе университета и меня только удивляетъ обвиненіе въ „непросительной небрежности“, предъявленное мнѣ въ концѣ 1907 г. за ошибки, сдѣланныя въ 1904 и 1905 г.г. экономкой, уволенной мною въ апрѣлѣ 1906 г.

И такъ само обвиненіе установило, что психіатрическая клиника имѣла всего 2 т. руб. штатной суммы, слѣдовательно, за 2 т. руб. въ годъ Юрьевскій университетъ имѣлъ самую большую клинику, служившую цѣлямъ преподаванія, подготовлявшую специалистовъ и полезную для науки, какъ то доказываютъ сдѣланныя въ ней мною и моими учениками научныя работы. Всѣ другія клиники Юрьевского университета даже гораздо меньшія по числу больныхъ стоили университету гораздо дороже, такъ какъ получаютъ штатныя суммы въ два раза (акушерская и глазная клиники) и въ четыре раза (медицинская и хирургическая клиники) больше, чѣмъ психіатрическая клиника. Кромѣ того всѣ клиники и институты Юрьевского университета за исключеніемъ психіатрической клиники, отопливаются, ремонтируются, снабжаются водой и отчасти освѣщаются на счетъ Университета. Очевидно, что только благодаря моему научному имени т. е. довѣрію ко мнѣ публики, моему труду и моему умѣнью вести дѣло Юрьевскій университетъ за 2000 р. въ годъ имѣлъ самую большую клинику.

Также обвиненіе установило, что клиника должна имѣть въ годъ дефицита 2000—3500, слѣдовательно за 16 лѣтъ отъ 32—56 т. р. Дѣйствительнаго долга или дефицита клиника имѣла лишь свѣше 11 т. р. оттого, что въ клиникѣ лѣчились больные 1-го и 2-го класса: содержаніе ихъ хотя ихъ и угощали сыромъ Рокфоръ, закусками, фруктами и конфектами, обходилось дешевле, чѣмъ они платили, и этой разницей отчасти уравнивалась недостаточность платы за больныхъ 3-го класса т. е. по 21 р. въ мѣсяць. Очевидно, что привлеченіе и содержаніе больныхъ 1-го и 2-го классовъ не входитъ въ число моихъ обязанностей; я это дѣлалъ изъ преданности дѣлу, и потому никоимъ образомъ не могу заслуживать порицанія.

Поэтому я считаю сугубою несправедливостью по отношенію ко мнѣ то, что Г. Попечитель Рижскаго Округа, не затребовавъ

отъ меня объясненій, ни разу не посѣтивъ психіатрической кли-
ники, и не сказавъ со мной ни одного слова обо всемъ этомъ
дѣлѣ, но только послалъ „заключеніе въ Министерство, что упра-
вленіе клиникой оставаться и впредь за нынѣшнимъ ея завѣдую-
щимъ профессоромъ Чижемъ не можетъ“, о такомъ своемъ
представленіи въ Министерство Народнаго Просвѣщенія, увѣдомилъ
Правленіе Юрьевскаго Университета, слѣдовательно призналъ меня
виновнымъ, не провѣривъ справедливости обвиненія.

Изъ всего вышеизложеннаго Ваше Высокопревосходительство
изволите усмотрѣть, что взведенныя на меня обвиненія являются
неосновательными и что, самыя обвиненія изъ существа дѣла не
вытекаютъ. Между тѣмъ обвиненія эти получили почему то ши-
рокое распространеніе среди мѣстнаго общества и среди студен-
чества, поставили меня въ крайне тягостное положеніе, выйти изъ
котораго для меня весьма желательно.



34.85.791